

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной
коммуникации

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

Материалы международной научно-практической
конференции молодых ученых

Екатеринбург
19 апреля 2018 г.

Выпуск 17

Екатеринбург 2018

УДК 821.161.1:811.161.1
ББК Ш33(2Рос=Рус)
А43

Рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве *научного* издания (Решение № 159 от 29.12.2018)

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук, доцент Е.Н. ИВАНОВА

канд. филол. наук, доцент И.В. ПЕТРОВ.

канд. филол. наук, доцент Т.В. ГОГОЛИНА

А43 Актуальные проблемы филологии [Электронный ресурс]: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых. Екатеринбург, 19 апреля 2018 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Электрон. дан. – Екатеринбург : [б. и.], 2018. – Вып. 17. – 1 электрон. опт диск (CD-ROM).

ISBN 978-5-7186-1128-1

В сборнике представлены материалы международной научно-практической конференции молодых ученых, прошедшей на базе Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации. Материалы печатаются в авторской редакции.

УДК 821.161.1:811.161.1
ББК Ш33(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-7186-1128-1

© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамова Н.Е. Алгоритм анализа ассоциативных полей отглагольных существительных.....	6
Бабкина Л.Ю. Ментальное пространство школьника, изучающего русскую орфографию.....	15
Батманова К.И. Образ женщины в русском сентиментализме: к постановке проблемы.....	22
Батуева В.В. Традиции патерика в современной литературе (М. Кучерская «Современный патерик», архимандрит Тихон «Несвятые святые и другие рассказы»).....	29
Верстунина И.В. Языковая личность Ипполита Матвеевича Воробьянинова в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и в рассказе «Прошлое регистратора ЗАГСа».....	35
Зырянова Н.С. Экспериментальное исследование учебного текста.....	46
Кабилова А.А. Модель мира в западных и российских современных антиутопиях.....	53
Красноперова Е.С. Кодовые переключения в языковом сознании билингва.....	58
Магонова А.В. Лингвокультурный анализ мифологемы «Восток».....	63
Нурисламова С.И. Изучение односоставных предложений в школе: дидактический материал.....	73
Потапенко К.М. Стилиевые особенности книги И. Г. Эренбурга «Война» (1941-1945).....	78
Пыхов В.В. Музыкальная терминология в аспекте ее восприятия.....	86
Талашманов С.С. Речевые жанры традиционной эпистолы и интернет-коммуникации: сопоставительный анализ.....	93
Ушаков А.А. Цикл «отсебятина» в структуре книги Сергея Узуна «НЕ поймите меня правильно».....	104
Хныкиина Е.А. Коммуникемы в разговорной речи студентов: экспериментальные данные.....	110

Шеремета К.С. Поэтика киносценария В. Сигарева «Волчок».....	116
Яковлева Н.А. Особенности ритмической организации романа Саши Соколова «Школа для дураков».....	123

CONTENTS

Abramova N.E. Algorithm for analysis of associative fields of verbal nouns.....	6
Babkina L.Y. Mental space of a student studying Russian spelling.....	15
Batmanova K.I. Image of the women in Russian sentimentalism: to the statement of the problem.....	22
Batueva V.V. Traditions of the Patericon in Modern Literature (M. Kucherskaya «Contemporary Patericon», Archimandrite Tikhon «Unholy Saints and Other Stories»).....	29
Verstunina I.V. Language personality of Ippolit Matveevich Vorobyandinov in the novel by I. Ilf and E. Petrov «Twelve chairs» and in the story «Past Registrar of the registry office».....	35
Zyryanova N.S. Experimental study of the educational text.....	46
Kabirova A.A. Model of the world in western and Russian modern dystopia.....	53
Krasnoperova E.S. Code switching in the linguistic consciousness of a bilingual.....	58
Magonova A.V. Linguocultural analysis of myths «East».....	63
Nurislamova S.I. The study of one of the proposals in school: didactic material.....	73
Potapenko K. M. Stylistic features in digest of publicism of I. G. Ehrenburg «War» (1941-1945).....	78
Pykhov V.V. Musical terminology in the aspect of its perception.....	86
Talasanov S.S. Speech genres of traditional epistle and Internet communication: comparative analysis.....	93

Ushakov A.A. Part «Gag» in a structure of the book by Sergey Usun «Do not get me right».....	104
Khnykina E.A. Communication in students' colloquial speech: experimental information.....	110
Sheremeta K.S. The Poetics of the screenplay «Volchok», written by Vasily Sigarev.....	116
Yakovleva N.A. Features of the rhythmic organization of the Sasha Sokolov`s novel «The School for Fools».....	123

Абрамова Н. Е. (Екатеринбург, УрГПУ)

*Алгоритм анализа ассоциативных полей
отглагольных существительных*

Аннотация. Автором статьи предлагается один из способов проверки вывода, сделанного им ранее на основе исследования гипотезы Ю. Н. Караулова о зависимости типов реакции от форм стимула. Также в статье представлена разработанная исследователем методика, позволяющая сравнить компоненты значения производящих глаголов и производных существительных. Продемонстрирована работа данной методике. Сделаны выводы о наличии связи ассоциативных полей глаголов с ассоциативными полями отглагольных существительных.

Ключевые слова: ассоциативные поля, ассоциативная грамматика, ассоциативно-сетевая морфология, отглагольные существительные, русский язык, ассоциативные словари, производящие глаголы.

Abramova N. E. (Yekaterinburg, USPU)

Algorithm for analysis of associative fields of verbal nouns

Abstract. The author of the article proposes one of the ways to verify the conclusion made earlier on the basis of the hypothesis of Y. N. Karaulov about the dependence of reactions types of stimulus response. Also in the article is a set of methods developed by the researcher, allowing to compare the components of derived verbs and derived nouns. About spetsvana work this technique. The conclusions about the presence of links associated with the corresponding fields of verbal nouns.

Keywords: associative fields, associative grammar, associative network morphology, verbal nouns, Russian language, associative dictionaries producing verbs.

Современному учителю необходимо знать особенности развития и функционирования языковой личности в школьном возрасте, чтобы более успешно организовать учебный процесс и сформировать соответствующие стандарту компетенции [Гридина 2017]. Образовательные стандарты направлены на формирование успешной языковой личности, с развитой языковой способностью. Понятие *языковой способности* в современной психолингвистике определяется неоднозначно. Языковая способность – языковая компетенция (в терминах Хомского). 1. Репрезентация языковой системы, слепок языка в сознании его конкретного носителя, способность к производству и пониманию речи; знания о правилах языка, полученные из речевого опыта и в процессе обучения языку; *competence* и *performans* выделяются в структуре языковой способности как владение языком и употребление языка. 2. Система неосознаваемых правил речевой деятельности, по которым реализуется «индивидуальная система языка» (Л. В. Щерба). Представляет собой иерархизированную систему компонентов, служащих интериоризированным обобщенным отражением уровней системы языка. Реализуется по специфическим правилам в соответствии с коммуникативной задачей и ситуацией [цит. по Терминологический минимум по лингвистическим дисциплинам 2009].

Проблемным является не только вопрос о понятии языковой способности. Вопросы вызывает и структура этого феномена. В зависимости от того, какую цель ставит перед собой исследователь, им выбирается классификация уровней языковой способности.

В структуре языковой способности многими исследователями обнаруживаются различные *уровни* – функциональные подсистемы, соответствующие уровням языковой системы [Тихонов 1985]. Актуальным для нашего исследования является *лексико-грамматический уровень* в комплексе, так как наше предыдущее исследование позволило нам сделать выводы о том, что, во-первых, лексема в сознании носителя языка, как правило, хранится в какой-либо грамматической форме; во-вторых, усвоение грамматических категорий происходит вместе с усвоением лексем и ее словоизменения. В лексико-грамматический уровень мы включаем и словообразовательный, это обусловлено

тем, что в большинстве школьных учебников, программе и стандарте по русскому языку для 5-7 классов включены такие темы как «Словообразование существительных», «Словообразование прилагательных», «Словообразование глаголов». Имеется в виду, что словоизменение и словообразование должны усваиваться школьниками параллельно [Гридина 2017; Гридина, Магонова 2017].

Одним из исходных постулатов данного исследования языковой способности является гипотеза, выдвинутая Ю. Н. Карауловым: у стимулов в начальной форме слова преобладают парадигматические реакции, а у стимулов в какой-либо другой грамматической форме – синтагматические [Караулов 1999] (Смотри об этом подробнее [Абрамова 2016]). На основе нашей выборки гипотеза нашла подтверждение в целом, но мы выделили формы, где эта гипотеза не подтверждается. К таким формам, во-первых, относятся прилагательные оценки и эмоции, не имеющие конкретной денотативной привязки и/или обладающие диффузной референцией (*благородный*). Такие прилагательные вызывали реакции, конкретизирующие семантику стимула: *благородный – человек, поступок, олень*. Во-вторых, к стимулам, не соответствующим гипотезе, нами были отнесены глаголы, которые управляют существительными. Третью группу стимулов, противоречащих гипотезе Ю. Н. Караулова, составляют отглагольные существительные в начальной форме, которые преимущественно порождали синтагматические реакции. Можно предположить, что стимулы двух последних типов (глаголы и производные от них существительные) могут иметь пересекающиеся ассоциативные поля, поскольку производные существительные в какой-то степени должны отражать семантику производящих глаголов (о языковом автоматизме см. в: [Коновалова 2016]). Глаголы, как правило, управляют существительными в косвенных падежах, следовательно, и в производных от них существительных будет наблюдаться такой же тип связи.

Целью настоящей статьи является верификация вывода о глаголах и производных от них существительных, на более объемном массиве материала (на данных «Русского ассоциативного словаря», далее – РАС).

Для проверки нашего предположения был разработан алгоритм исследования, состоящий из следующих шагов:

1. Выбрать из материала РАС непроечные глагольные стимулы, которые являются вершиной словообразовательного гнезда, важно, чтобы производные от них существительные выступали в качестве стимулов в этом же словаре.

2. По толковому словарю определить лексическое значение производящих глаголов.

3. Произвести компонентный анализ по методике И. А. Стернина.

4. Выделить ядерные и периферийные семы в структуре лексического значения.

5. По словообразовательному словарю А. Н. Тихонова найти и проанализировать словообразовательное гнездо с производящим глаголом в вершине, выписать из него только производные существительные первой степени производности, так они будут наиболее ярко отражать семантику производящего слова. Производное второй степени, вероятно, будет отражать семантику производного первой степени, что нам рассматривать не нужно.

6. Определить по толковому словарю лексическое значение производных существительных, которые были отобраны на предыдущем этапе, проверить, какие из компонентов значения производного глагола остались и какие добавились (вероятно, должны появиться компоненты, связанные с предметностью, например сема субъекта, которая станет ядерной).

7. Выписать из РАС ассоциативное поле производящего глагола и производного существительного, установить, как они соотносятся.

Применение методики продемонстрируем на примере глагола «взять» и производного от него существительного «взятка».

По толковому словарю С. И. Ожегова определяем лексическое значение данного слова. **ВЗЯТЬ** 1. Захватить рукой, принять в руки. 2. Употр. в сочетании с союзом «да», «и» или «да и» и другим глаголом при обозначении неожиданного, внезапного действия (разг.). Возьму и скажу. Взят да убежал. В. да и отказаться. 3. взять, возьми (те), кого-что. Употр. для выделения того, что явится предметом дальнейшего сообщения (разг.). Взять студентов (возьми студентов): у них большая нагрузка.

Возьмем зарплату: она невелика. * С чего (или откуда) ты (он и т. д.) взял? (разг. неодобр.) – на основании чего ты так думаешь? Взять (возьмите) хоть (хотя бы) (разг.) – употр. для выделения того, что будучи представлено как пример явится предметом дальнейшего сообщения. Взять хоть (хотя бы) этот случай: он типичен.

В дефиниции глагола можно выделить несколько ядерных и периферийных сем.

Ядерные семы:

1. Захватить рукой – *основная, постоянная, ассертивная, эксплицитная, яркая сема.*

2. Принять в руки – *основная, постоянная, ассертивная, эксплицитная яркая сема.*

Периферийные семы:

1. Предмет дальнейшего сообщения – *неосновная, производная, имплицитная, слабая сема.*

В словообразовательном словаре существительное «взятка» обозначено как существительное первой степени производности, выпишем из толкового словаря значение этого слова:

ВЗЯТКА 1. Деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, как оплата караемых законом действий. Давать взятку. Брать взятки. Осужден за взятку (за взяточничество). 2. В карточной игре: карты игрока, покрытые старшей картой или козырем партнера. Упустить взятку. * Взятки гладки с кого (разг.) – о том, кто не будет нести ответственности за что-н., с кого ничего нельзя потребовать.

Ядерные семы:

1. Материальные ценности – *основная, постоянная, ассертивная, эксплицитная, яркая сема.*

2. Назначение должностному лицу – *основная, постоянная, ассертивная, эксплицитная, яркая сема.*

3. Функция оплаты незаконного действия – *основная, постоянная, ассертивная, эксплицитная, яркая сема.*

Периферийные семы:

1. Покрытые карты – *неосновная, производная, имплицитная, слабая сема.*

	Захватить рукой	Принять в руки	Материальная ценность	Назначение должностному лицу	Функция оплаты
Взять	+	+	-	-	-
Взятка	+	+	+	+	+

По таблице видно, что существительное «взятка» сохраняет в структуре своего значения ядерные семы значения глагола. Взятка предназначена для того, чтобы ее взяли, приняли в руки. Слово приобретает значение предметности благодаря появлению семы «материальная ценность».

Остается сравнить семантические поля глагола и существительного с их ассоциативными полями, выпишем данные из РАС.

ВЗЯТЬ в руки, отдать 30; книгу 21; с собой 20; деньги 19; дать 16; взятку 15; брать, в долг, займы 14; положить, ручку 8; реванш 6; вещь, взятка, за руку, рука, руку, сумку 5; долг, отнять, предмет, себе, слово 4; /, билет, в дом, верх, власть, кошелек, на время, на руки, пистолет, себя в руки, силой, стол, хлеб, что 3; без спросу, в аренду, в жены, в плен, горсть, за горло, забрать, зеркало, зять, и не отдать, интервью, книга, крепость, лист, мыло, насовсем, отобрать, под контроль, преступник, с поличным, свитер, снять, со стола, украсть, что-нибудь, что-то 2; арест, банк, барьер, без разрешения, без спроса, безвозмездно, берет, Берлин, билет на балет, бумагу, быка, быка за рога, в библиотеке, в долю, в дорогу, в кредит, в наложницы, в оборот, в толк, ведро, вес, весело, вещи, взять, врать, все, встать, выгода, вязание, вязать, груша, да бросить все, да выбросить, действие, делать, до завтра, домой, достать, еще чего, жадность, живым, за грудь, за жабры, за нос, за пуговицы, за уши, за хобот, забыть, заметка, замуж, занять, и отдать, и положить, и сделать, и снять, и унести, игру, интеграл, исчезнуть, карту, кисть руки, ключ, кого-то, колбасу, конфискация, конфисковать, коробку конфет,

корова, крепко, кровать, лимонад, листок, лишнее, ложку, лом, лопату, мелочь, миллион, мне, молоко, мороженое, мять, на абордаж, на вооружение, на день, на дорогу, на заметку, на лучшее, на поруки, на себя, на себя ответственность, наглостью, назад, напрокат, наугад, нельзя, ненадолго, несколько, нечего, обратно, обязанность, опять забыл, осторожность, отдать больше, отпуск, палку, по полу, под опеку, под стражу, позаимствовать, ползунки, полку, получить, поносить, попросить, портфель, порции, преступника, приблизить, присвоить, приступом, просто, прыгнуть, пусто, работу на дом, разрешение, рубль, руками, руки, с полки, свое, сдать, сила, след, смеяться, собака, стащить, стоять, стул, такси, творог, тетрадь, у кого-либо, у кого-то, у мамы, уйти, унести, урок, участие, учебник, хряпнуть, чем больше = тем лучше, что плохо лежит, что-либо, шить, штурмом, яблоко, языка, яйцо 1.

ВЗЯТКА деньги 17; большая 13; гладка 6; чиновник 4; /, должностному лицу, чиновнику 3; давать, коррупция 2; автомат, беру, бессмысленная, боссу, бюрократ, в долларах, в конверте, в крупных размерах, вполне нормально, Вятка, годы застоя, дана, датка, дача взятки, денег, денежная сумма, деньги большие, директор, директору, достал, за дело, закон, история, кабинет, коммунист, крупная, крупные деньги, логична, мне, много денег, началась, начальник, начальнику, плохая вещь, подарок, подкуп, преподавателю, преступление, прокурору, пятка, раскрыть, ручная, служащему, тряпка, тюрьма, учителя, учреждение, финансовая поддержка, явная 1.

В ядре и ближней периферии ассоциативного поля слова «взять» встречаются слова *в руки, за руку, руку*. Такие реакции демонстрируют, что семы «захватить рукой», «принять в руки» являются ядерными в ассоциативном поле и в словарной статье толкового словаря. Кроме этих реакций, довольно показательными являются такие как *деньги, взятку, взятка*. Наличие подобных реакций является свидетельством того, что глагол «взять» и существительное «взятка» имеют довольно прочную связь в сознании усредненного носителя русского языка. Самой частотной реакцией в ассоциативном поле является парадигматическая реакция – деньги. Далее встречаются синтагматические реакции, оформленные по типу согласования (*большая*) и

управления (*должностному лицу, чиновнику*). Несмотря на то, что самая частотная реакция является парадигматической, во всем поле синтагматические реакции преобладают. Можно сказать, что в сознании усредненного носителя языка есть довольно прочная связь между данным производящим глаголом и производным существительным. Связь эта проявляется в наличии реакций типа *деньги, взятка, взятку* в ассоциативном поле глагола, и наличии реакций, оформленных по типу управления в ассоциативном поле существительного.

Литература

1. *Абрамова Н. Е.* Ассоциативно-сетевая морфология и ее представление в «Русском ассоциативном словаре» // *Linguistica juvenis*. – 2016. – № 18. – С. 5-10.
2. *Гридина Т. А.* Лингвокреативный потенциал мотивационных эвристических детской речи // *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*. – 2017. – № 15. – С. 5-16.
3. *Гридина Т. А.* «Своя игра»: ребенок в мире языка: монография. – 2-е изд. – Екатеринбург, 2016. – 177 с.
4. *Гридина Т. А., Магонова А. В.* Диагностические срезы вербальной креативности младших школьников: тестирование как основа тренинга // *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*. – 2017. – № 15. – С. 63-79.
5. *Караулов Ю. Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: Институт языкознания РАН, 1999. – 180 с.
6. *Коновалова Н. И.* Перцептивные образы сознания в свете данных «Русского ассоциативного словаря» // *Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщ. Междунар. научн. конф.* – Екатеринбург: УрФУ, 2016. – С. 130-136.
7. *Коновалова Н. И.* Ресурсы речевой психодиагностики в образовательном процессе // *Педагогическое образование в России*. – 2015. – № 11. – С. 195-202.
8. *Коновалова Н. И.* Языковой автоматизм в ассоциативно-вербальной сети как «след» креативных мнемотехник // *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*. – 2016. – № 2. – С. 118-128.

9. *Русский ассоциативный словарь*: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – Т. I. – 782 с.

10. *Русский ассоциативный словарь* [Электронный ресурс]. Интернет-версия. – URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>.

11. *Стернин И. А., Саломатина И. С.* Семантический анализ слова в контексте. – Воронеж, 2011. – 149 с.

12. *Терминологический минимум по лингвистическим дисциплинам: словарь-справочник* / Урал. гос. пед. ун-т. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Екатеринбург, 2009. – 72 с.

13. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: в двух томах. – М.: Русский язык, 1985. – Т. 1. – 854 с.

Бабкина Л. Ю. (Екатеринбург, УрГПУ)

*Ментальное пространство школьника,
изучающего русскую орфографию*

Аннотация. В данной статье представлен опыт моделирования ментального пространства школьника, как этап, предваряющий создание методических ассоциативных упражнений по орфографии. Автор адаптирует методику анализа ментального пространства художественного текста для работы учителя русского языка по обучению орфографии и предлагает различные варианты деления ментального пространства на субпространства, выявляя факторы, влияющие на усвоение орфографических норм.

Ключевые слова: ассоциативная орфография, ассоциативное мышление, орфографические правила, ментальное пространство, речевая диагностика, методические рекомендации, русский язык, методика русского языка в школе, школьники, орфография русского языка.

Babkina L. Y. (Yekaterinburg, USPU)

Mental space of a student studying Russian spelling

Abstract. In this article, the author presents the modeling of the mental space of the student, as a stage that precedes the creation of methodical associative spelling exercises. The author adapts the method of creating the mental space of a literary text for the work of a Russian language teacher and offers various options for dividing the mental space into subspaces, identifying factors affecting the mastering of spelling norms.

Keywords: associative spelling, associative thinking, spelling rules, mental space, speech diagnostics, methodical recommendations, Russian language, Russian language school method, school-children, Russian spelling.

Психолингвистические методики широко используются в школьной практике как средство индивидуализации обучения. Современная педагогика предполагает субъект-субъектность в образовании, что уже говорит о нужности учета фактора индивидуальных особенностей школьника. Кроме того, изменились координаты, в которых мыслит современный человек, мышление меняется от системности к клиповости, что, конечно, учителям-практикам следует воспринимать как феномен и быть готовыми к обновлению методических приемов в процессе обучения.

Создание ментального пространства школьника – это необходимый этап перед разработкой методических приемов обучения, при этом мы учитываем механизмы ассоциативного усвоения информации [Богоявленский 1966; Гридина 2015, 2016; Жуйков 1964 и др.] и проецируем общую теорию интериоризации навыка на анализируемую область – орфографию. Кроме того, мы обратились к такому понятию, как индивидуальный латеральный профиль и подобрали методики его определения у школьников (см. об этом в: [Коновалова 2011]), проанализировали существующие учебники русского языка, чтобы понять, на какие типовые особенности восприятия информации рассчитаны предлагаемые в них задания, а каких типов упражнений недостает.

С целью дальнейшей индивидуализации ассоциативных упражнений продуктивным представляется моделирование совокупности факторов восприятия информации субъектом, который обучается русской орфографии. Для этого необходимо было составить полную картину факторов, как языковых, так и внеязыковых, влияющих на усвоение норм. В этом нам и помогло построение ментального пространства, которое, по мнению В. Ф. Петренко, задает рамки построения действий, очерчивает реальность человеческого представления. Ср.: «В трактовке ментального пространства как системы представлений, подразумевается, что они имеют разную природу: ментальные пространства строятся на основе научных или житейских фактов, в художественных текстах автором определяются рамки, черты пространства, закономерности. При таком понимании знания о мире не бывают безличными, бессубъектными, мы всегда обращаем внимание на некий гештальт, который образуется в про-

цессе интериоризации того или иного знания вокруг него» [Петренко 2005].

Продемонстрируем адаптацию представленной в работах Т. А. Гридиной и И. Ю. Вагановой методики анализа ментального пространства художественного текста [Ваганова 2007; Гридина 2015] применительно к деятельности учителя русского языка, в частности, обращенной к изучению орфографии.

«Ментальное пространство – это динамическая форма ментального опыта, которая актуализуется в условиях познавательного взаимодействия субъекта с миром. В рамках ментального пространства возможны разного рода мысленные движения и перемещения». По словам В. Ф. Петренко, «подобного рода субъективное пространство отражения можно представить как “дышащее, пульсирующее” образование, размерность которого зависит от характера стоящей перед человеком задачи» [Петренко 2005].

Цель создания ментального пространства на данном этапе работы состоит в том, чтобы заранее смоделировать восприятие школьника, с которым предстоит практическая работа по усвоению орфографического навыка.

1. Выделение предтекстовых presupпозиций

Задача учителя – понять, что влияло на успешность усвоения орфографии в пятом классе ранее:

1. Изучение русского языка в начальной школе.
2. Усвоение норм правописания в языковой среде.
3. Восприятие текстов из СМИ и интернет-ресурсов.
4. Восприятие художественных текстов.

Время создания ментального пространства школьника, изучающего орфографию: 1-4 класс, с момента, когда начинает читать и писать. На визуальном уровне отражает написание в средствах массовой информации, но не усваивает это на сознательном уровне.

2. Соотнесение моделируемой реальности с современной действительностью

Образы слов закладываются в сознании частично до академического усвоения в начальной школе, но позже происходит этап вписывания в теоретическую базу тех слов, которые употреблялись в среде ученика. Следующим этапом является расширение словарного запаса не от действительности к теории, а

наоборот: слово узнается в процессе академического обучения и встраивается в систему орфографического знания и становится частью лексикона ученика.

3. **Выделение метальных субпространств** (частей, из которых состоит ментальное пространство). Критериями для их выделения являются: а) единство субъекта ментальных субпространств (моделируем восприятие одного и того же ученика); б) пространственно-временное единство (даже если обращаемся к этимологии, не забываем акцентировать на изменениях и устоявшемся в современном русском языке варианте).

Орфография не представлена отдельным блоком в учебниках русского языка, но изучается в таких разделах как:

Фонетика и графика:

- Правила написания мягкого знака в конце слов и после шипящих.

- Правила написания гласных после буквы «ц» – написание букв «и» и «ы» после буквы «ц»; правила написания букв «о» и «е» после «ц».

Морфемика:

- Правило написания безударных гласных в корне слова.

- Правописание корней с чередованием гласных «а-о».

- Правописание корней с чередованием гласных «е-и».

- Правописание согласных и гласных в приставках.

- Правописание приставок «пре» и «при».

4. Характеристика субъекта ментального пространства

Ученик 5 класса, изучающий русский язык с начальной школы. Русский язык для него – родной, среда, в которой он находится – русскоязычные. Если в конкретной школе условия другие и мы работаем с билингвальным (двуязычным) сознанием, соответственно, и психолингвистические средства обучения будут иные.

5. Анализ особенностей речевой организации

На данном этапе в работе мы опираемся на учебник «Русский язык» В. В. Бабайцевой, Л. Д. Чесноковой [Бабайцева, Чеснокова 1999].

а) теоретическая информация – книжный, научный стиль.

б) языковой материал для практики – художественные тексты русских писателей (чаще всего), тексты из аудиозаписей, видеозаписей, комиксов, если они используются на уроке.

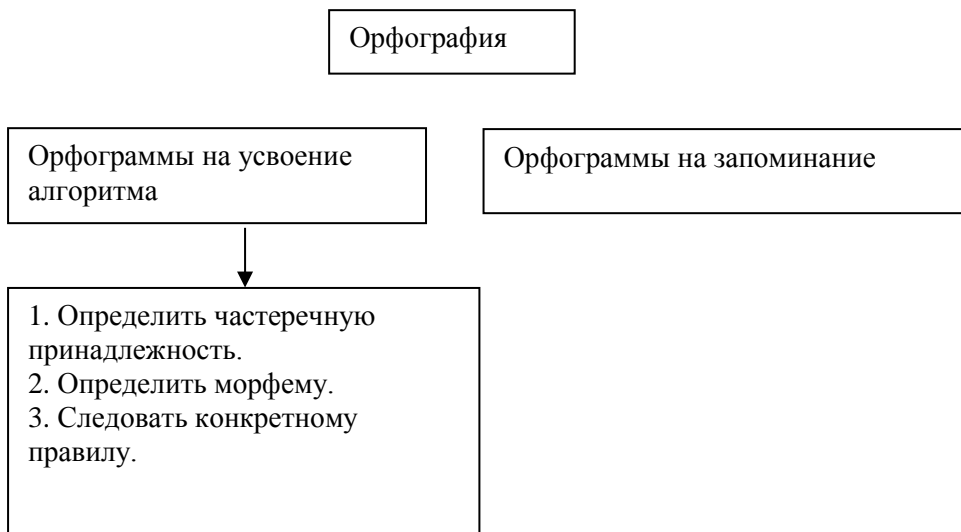
в) имитация диалоговой формы в «окнах»: «Запомни», «Обрати внимание».

г) орфография не выделена отдельным блоком, правила по орфографии включены в разделы «Фонетика. Графика» и «Морфемика».

д) слова для запоминания представлены в «окнах» в любом из параграфов вне зависимости от раздела (словарные слова, слова с непроверяемой орфограммой).

6. Моделирование структуры ментального пространства

Может осуществляться различными способами в зависимости от цели построения МП. Первый вариант деления орфографии на два больших пласта: «орфограммы, направленные на усвоение алгоритма» и «орфограммы, направленные на запоминание» сам может выступать в роли методического приема, карточки для левополушарных визуалов, руководством к действию при работе с той или иной орфограммой.

Второй вариант деления построен по полемому принципу.

Ядерные и периферийные компоненты ментального пространства можно выделить в зависимости от функциональных приоритетов работы. Ядерным компонентом с точки зрения частотности употребления являются слова с проверяемыми орфо-

граммами. В качестве цели проектной работы для школьника можно выбрать выявление частотности употребления слов с тем или иным видом орфограммы в речи современных учеников, что даст возможность учителю-практику скорректировать свою работу, расставить акценты на выявленных ядерных орфограммах. Ядро можно также выделить по частности ошибок с помощью диагностики конкретного класса испытуемых, что будет наиболее практикоориентированным.

Таким образом, составление ментального пространства помогает учителю-практику смоделировать круг отражаемых фактов в сознании обучающегося, влияющих на интериоризацию навыка правописания, что позволяет видеть лакуны в методическом материале, выявлять причины неуспеваемости того или иного правила.

Литература

1. *Богоявленский Д. Н.* Психология усвоения орфографии / Акад. пед. наук РСФСР, Науч.-исслед. ин-т психологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1966. – 307 с.
2. *Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д.* Русский язык. – М.: Дрофа, 1999. – 241 с.
3. *Ваганова И. Ю., Гридина Т. А.* «Описываемое будущее» как модель ментального пространства художественной фантастики (на материале повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2007. – № 1. – С. 14-19.
4. *Гридина Т. А.* Ассоциативный потенциал слова как основа лингвистической креативности: экспериментальные данные // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 25. – С. 148-157.
5. *Гридина Т. А., Коновалова Н. И.* Диагностика грамматико-словообразовательных умений детей с общим недоразвитием речи как основа коррекционной работы // Специальное образование. – 2016. – № 2 (42). – С. 39-50.
6. *Жуйков С. Ф.* Психология усвоения грамматики в начальных классах / Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т психологии. – М.: Просвещение, 1964. – 300 с.

7. *Коновалова Н. И.* Психолингвистические основы методики обучения русскому языку // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2011. – № 9. – С. 194-202.

8. *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.

Батманова К. И. (Екатеринбург, УрГПУ)

*Образ женщины в русском сентиментализме:
к постановке проблемы*

Аннотация. Статья посвящена анализу женских образов в литературе сентиментализма. Рассматриваются характерные черты, принципы изображения женских типов, взаимоотношения девушек с окружающей действительностью.

Ключевые слова: сентиментализм, женщина, образ женщины, русская литература, русские писатели, литературные образы.

Batmanova K. I. (Yekaterinburg, USPU)

*Image of the women in Russian sentimentalism:
to the statement of the problem*

Abstract. The article is devoted to the analysis of female images in the literature of sentimentalism. The characteristic features, the principles of the image of female types, the relationship of girls with the surrounding reality are considered.

Keywords: sentimentalism, woman, image of a woman, Russian literature, Russian writers, literary images.

Становление сентиментализма в русской литературе связано с влиянием европейского сентиментализма. Возникла потребность общества в нежном и чувствительном мироощущении. Сентиментализм, как всякое литературное направление, выработал свою концепцию мира и человека. Как отмечает Т. А. Ложкова, возникает «новый идеал личности: человек чувствительный, добродетельный, стремящийся к личному счастью и сочувствующий другим, близкий природе. Выдвигается новый герой, который будет заинтересован духовным миром простолюдинов» [Ложкова 2003: 14].

Невозможно представить русскую литературу без образа женщины.

В литературе сентиментализма женщина занимает важное место. Именно она была объектом любви чувствительного мужчины или сама становилась главной героиней сентиментального произведения.

Так, еще Жан Жак Руссо считал, что «царство женщины – это царство нежности, тонкости и терпимости».

Интерес к образу женщины объясняется тем, что именно она является более чувствительным существом, по сравнению с мужчиной.

Существуют определенные особенности образа женщины в литературе сентиментализма. Многие исследователи обращались к выявлению данных черт. Рассмотрим некоторые из них.

М. В. Иванов отмечает, что «литература <...> сентиментализма огромное значение придавала роли женщины, которая воспринималась как «хранительница семейного очага, выразительница высших «природных» качеств – чувствительности, сострадания, заботы о близких» [Иванов 1996: 222]. Другие исследователи, такие как А. С. Курилов, К. Н. Ломунов, В. Р. Щербин говорят о нравственном превосходстве женщины данной эпохи над обстоятельствами жизни и сообщают, что женщина литературы сентиментализма свободна от быта и привычного уклада общества. А. С. Курилов: «Писатели-сентименталисты <...> погружали читателя в мир нравственной жизни своего героя, изолировали его от жизни, обстоятельств, быта. Этот герой противопоставляет имущественному богатству и благородству происхождения богатство чувства, нравственной жизни, но он лишен боевого настроения. Поэтому сентиментальный герой не просто нравственно свободный человек и духовно богатая личность, но это еще и частный человек, бегущий из враждебного ему мира, пребывающий в своем уединении, стремящийся в любви, семейных радостях обрести счастье, умеющий в случае крушения его стремлений, в самом страдании обрести радость наслаждения своим неповторимым «Я»» [Курилов 1983: 128].

Ю. М. Лотман говорит о культурном образе женщины в XVIII веке: «В 70–90-е годы XVIII века женщина становится читательницей. В значительной мере складывается это под влиянием двух людей: Николая Ивановича Новикова и Николая Михайловича Карамзина» [Лотман 1983: 128]. Идеальные жен-

щины сентиментальной литературы наделяются повышенной чувствительностью. Сама чувствительность у женщин направлена на добрые и полезные дела. П. А. Орлов отмечает, что «Они щедры, гуманны, сострадательны, способны на благородные, самоотверженные поступки» [Орлов 1979: 8].

Анализируя все упомянутые выше характерные особенности героинь русского сентиментализма, мы выявили наиболее общие черты сентиментальной женщины:

1. Действия и поступки героинь определяются чувствами, чувствительностью героев.

2. В центре изображения – чувства и способность сочувствовать.

3. Идеалом является нравственная чистота, естественность, не испорченность.

4. Героиня отдается чувствам и страстям, она готова любить. Ее внутренний мир выходит на первый план.

Во внешности главных сентиментальных героинь обычно появляются такие неперенные признаки красоты в сентименталистском ее понимании, как «голубые глаза», «белая кожа», «румянец», «светло-русые волосы». Уже они служат автору для передачи идеала, воплощавшего качества, наиболее привлекательные с точки зрения «чувствительного» человека.

Таким образом, выявив черты женщины в русском сентиментализме, кратко охарактеризуем типы героинь, представленные в произведениях русских писателей.

Ф. А. Эмин написал первое русское произведение в сентиментальной традиции – роман «Письма Эрнеста и Доравры» (1766).

По мнению П. А. Орлова, он первым в русской литературе изобразил героев, переживания которых отличаются типично сентиментальной экзальтацией: «Эрнест и Доравра обильно проливают слезы, падают в обморок, угрожают друг другу самоубийством» [см. Орлов 1979: 8].

Надо сказать, что данное произведение написано в духе эпистолярного жанра, следовательно, знакомство с характером Доравры будет ограничено. О том, какая это девушка, мы узнаем всего лишь из писем Эрнеста. Также мы наблюдаем отношения юноши к Доравре: он использует такие эпитеты, как «любезная», «прекрасная» и др. Бесспорно, он ее любит, но они не мо-

гут быть вместе, т. к. относятся к разным социальным положениям. На наш взгляд, Эрнест сетует на судьбу за трагическую любовь: «Не знаете ли, государыня, какая-то болезнь, которую взоры ваши мне причинили? Очей ваших собственность вам должна быть известна. И если имя вами мне причиненной болезни вам известно, то не знаете ли и средства к излечению оной? <...> Престо мною вечная и ужасная с душою души моей разлука, за мною презрение чистейшей склонности, которая ничего иного мне не обещает, кроме беспрестанного томления. О ты, жестокая судьба! Влеки меня отселе поскорее в неизвестные страны! Ты, неудачливая любовь, товарищ моего несчастья, повсюду за мной следуй и соверши то зло, которое я теперь при отъезде моем ощущать начинаю!» [Эмин 2012: 56]. Сама Доравра отвечает ему взаимными чувствами: «...она (Доравра) <...> отвечает шутливо, а затем пишет о взаимной любви. Однако брак между ними невозможен: мешает различное положение героев в обществе – Эрнест беден и нечиновен, Доравра – дочь знатного и богатого дворянина» [Эмин 2012: 55]. Рисуя образ девушки-дворянки, влюбленной в представителя среднего сословия, автор явно отсылает нас к героине известного романа Ж. Ж. Руссо – Юлии.

Продолжает плеяду русских сентименталистов П. Ю. Львов со своей «Российской Памелой, или Историей Марии, добродетельной поселянки» (1789). Само название произведения отсылает к героине романа Ричардсона «Памела или вознагражденная добродетель». В этом произведении Мария, в соответствии с русской действительностью, чувствительная, добродетельная крестьянка, в которую влюбился барин Виктор. Она воспитывалась отцом-«однодворцем», не имела изящных светских манер и привлекла героя как образец естественной красоты и чувствительности. В финале романа Мария с искренним благородством прощает Виктора за предосудительное поведение. История героини заканчивается идилично, в соответствии с европейским образцом.

Трагичны и женские образы в произведении А. Е. Измайлова «Бедная Маша» (1801). Мы сопереживает как Шарлотте, немке и первой жене Милова, так и Маше, простой девушке, его второй жене. Обе героини и бесконечно любят своего мужа. Маша, очень скромная девушка, живет в ожидании приезда супруга.

Она страдает и не может дождаться, когда юноша справится со своими делами и приедет за ней: «С горести она было занемогла, но крепкая ее природа, утешения ее родственников, время и надежда излечили ее от болезни. Что делала она по выздоровлении? Плакала и разговаривала с дядею и теткою о своем муже. Гадание на картах сделалось главнейшим ее упражнением. Если червонный король ложился неподалеку от червонной крали, – какое удовольствие блистало тогда в глазах ее! Она брала его, целовала, прижимала к своему сердцу. Но если черная пиковая масть, возвещающая несчастье, окружала любимую карту, то как тосковала в то время суеверная Маша! Ей казалось, что любимый ее Милов или подвержен опасностям, или болен, или и не жив» [Измайлов 1979: 226].

Во многих произведениях Н. М. Карамзина («Евгений и Юлия», «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Юлия», «Марфа-Посадница» и др.) мы встречаемся с женскими образами в качестве главных героинь.

На повесть «Бедная Лиза» (1792) одним из первых обратил внимание В. В. Сиповский. В ней русский сентименталист представил образ чувствительной крестьянки – Лизы и ее трагическую историю любви к барину Эрсту.

П. А. Орлов отмечает: «Русская публика, привыкшая в старых романах к утешительным развязкам в виде свадеб, поверившая, что добродетель всегда награждается, а порок наказывается, впервые в этой повести встретила с горькой правдой жизни» [Орлов 1967: 143].

В повести «Юлия» (1796) мы видим аристократку прошедшую путь от развращенной светской львицы изменяющей мужу до чувствительной, нравственной героини, хорошей матери и супруги.

А героинями в произведениях «Наталья, боярская дочь» и «Марфа-Посадница» Карамзин делает женщин, показанных на историческом фоне, участвующих в исторических событиях. Только Наталья в большей степени соответствует сентиментальной традиции, а Марфа-Посадница показана как государственный лидер, которая борется за свободу своего народа.

Героиня произведения П. И. Шаликова «Темная роща, или памятник нежности» (1819) Нина является благородной сильной

девушкой, открытой для чувств, готовая любить и бороться за свое счастье с Эрастом всю жизнь. Несмотря на желание отца и матери насильно выдать ее замуж, Нина остается верной своему возлюбленному и своим чувствам. Она готова постричься в монахини, но только не выходить замуж против любви: «Монастырь будет заглаживанием вины моей, ничто другое... На самую смерть соглашусь скорее, нежели на требование ваше! – сказала горестная отчаянная Нина и пошла в свою комнату» [Шаликов 1979: 198]. Нина словно «изолирована» от окружающей действительности. Девушке не важна ее дальнейшая жизнь без Эраста. Она протестует, просит родителей понять ее душу, простить. Нина чужая не только для жизни, но и для своих родителей. Зато она всем сердцем любит свой небольшой мир, свою рощу с соснами, где так часто она оставалась наедине со своим сердцем. Эта героиня – не просто чувствительный человек, но она не готова смиряться и идти на компромиссы в чувствах. Даже в свой роковой час она требует похоронить в ее любимой роще: «Матушка! Усладите теперешние минуты мои обещанием исполнить последнюю мою просьбу! Велите похоронить меня в моей любимой роще... (тут глубокий вздох задержал слова ее) под этими соснами...» [Шаликов 1979: 202].

Предпринятый анализ приводит нас к выводу о том, что среди героинь русских сентиментальных произведений можно выделить следующие основные типы: бедная, чувствительная девушка-крестьянка страдающая от жестокости богатого возлюбленного-барина, сентиментальная девушка-дворянка, влюбленная в человека простого происхождения. А в произведениях Н.М. Карамзина встречается героиня развращенная светским обществом, но проходящая путь эволюции к естественности.

Литература

1. *Иванов М. В.* Судьба русского сентиментализма. – СПб.: Букинист, 1996. – 320 с.
2. *Измайлов А. Е.* Русская сентиментальная повесть. – М.: Издательство Московского университета, 1979. – С. 81-99.
3. *Карамзин Н. М.* Евгений и Юлия // Сентиментальная повесть / сост. П. А. Орлов. – М.: Изд-во МГУ, 1979.

4. *Канунова Ф. З.* Из истории русской повести: ист.-лит. значение повестей Н. М. Карамзина. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1967. – 188 с.

5. *Курилов А. С.* История русской литературы XI-XX веков. – М.: Издательство «Наука», 1983.

6. *Ложкова Т. А.* Русская литература XVIII века // Русская литература XVIII века: Ломоносов М. В., Державин Г. Р., Фонвизин Д. И., Карамзин Н. М., Радищев А. Н.: антология. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003. – С. 5-24.

7. *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII – начала XIX // Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо; сост. А. З. Манфред. – М.: Наука, 1969. – С. 555-604.

8. *Лотман Ю. М.* Пути развития русской прозы 1800-1810-х гг. // Лотман Ю. М. Карамзин. – СПб.: Искусство, 1997. – С. 349-417.

9. *Орлов П. А.* «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина и сентиментально-повествовательная литература конца XVIII – начала XIX века: (к 200-летию со дня рождения писателя) // Вестник Московского государственного университета. Сер. 9, Филология. – 1966. – № 6. – С. 16-26.

10. *Орлов П. А.* Русский сентиментализм. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 270 с.

11. *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа: в 2 т. – СПб.: Труд, 1910. – Т. 1, вып. 2. – 951 с.

12. *Эмин Ф. А.* Письма Эрнеста и Доравры: в 4 ч. – СПб.: У И. К. Шнора, 1766. – 212 с.

Батуева В. В. (Челябинск, ЮУрГУ)

*Традиции патерика в современной литературе
(М. Кучерская «Современный патерик», архимандрит
Тихон «Несвятые святые и другие рассказы»)*

Аннотация. В статье рассмотрены традиции жанра патерика в современной литературе на примере книг М. Кучерской и архимандрита Тихона. Представлены общие и разные патериковые черты, выявленные в книгах.

Ключевые слова: литературные жанры, черты патерика, патерики, литературное творчество, русская литература.

Batueva V. V. (Chelyabinsk, SUSU)

*Traditions of the Patericon in Modern Literature
(M. Kucherskaya «Contemporary Patericon»,
Archimandrite Tikhon «Unholy Saints and Other Stories»)*

Abstract. In the article the traditions of the genre of the patericon are considered in the contemporary literature on the example of the books of M. Kucherskaya and Archimandrite Tikhon. The general and various patericon features revealed in the books are presented.

Keywords: literary genres, features of paterikas, paterikas, literary works, Russian literature.

Патерик – общее название средневековых сборников назидательных рассказов о жизни аскетичных, благочестивых христианских монахов, которые могут включать и сборники их нравоучительных изречений.

Мы рассматриваем особенности проявления традиций патерика в современной литературе на примере книг М. Кучерской «Современный патерик» и архимандрита Тихона «Несвятые святые и другие рассказы».

В название книги М. Кучерской вынесена жанровая номинация – патерик, он отличается от классического патерика, но при этом сохраняет и некоторые его особенности.

В книге М. Кучерской наблюдается жанровое смешение, представленное на разных уровнях организации текста.

На уровне сюжетно-композиционной организации все циклы объединяются общей идеей, заключающейся в неприукрашенном отображении современной церкви: ее служителей, прихожан. В книге создается концепция церкви. Частотен мотив обращения человека к Богу и церкви, взаимоотношений церкви и человека. В циклах объединяются самые разные темы: тема несовершенства, греховности человека, тема поиска и утраты истины, тема замужества, трактуемая с точки зрения церкви, тема смерти. На уровне хронотопа наблюдается смешение разных типов повествования: обобщенного, конкретного (монастырь, церковь, дом, театр, географически реального пространства (Москва, Петербург, Нью-Йорк, космодром Байконур) и условного (в особых формах). Время по большей части событийно, оно дискретно, фрагментарно (автором отбираются лишь наиболее важные для повествования события). Таким образом, автор изображает бытийное и бытовое, общечеловеческое, универсальное и субъективное начала.

На уровне субъектной организации можно выделить 2 вида повествования:

1. Повествование от 3-го лица используется для наиболее отстраненного повествования.

2. Повествование от имени рассказчика (от 1-го лица) показывает постепенный переход от общих ситуаций к погружению в частное: проблемы, чувства отдельного героя.

Образная система также отличается разнообразием:

1) по степени конкретности образы можно разделить на безличные и конкретные;

2) по принадлежности к церкви они делятся на следующие группы: священнослужители (батюшки, монахины, иноки, юродивые и т. д.); миряне (прихожане церкви, верующие люди, неопиты); вымышленные образы.

Автор на этом уровне сталкивает высокое и низкое, божественное и земное.

На уровне стиля М. Кучерская имитирует как высокий, патериковый стиль, так и разговорный, сочетает высокое и низкое начала на уровне лексики, что проявляется в использовании церковных и сниженных, просторечных единиц, а на уровне синтаксиса – в использовании инверсии и повторов.

Книга объединяет тексты разных жанров: анекдотические, сказочные, притчевые; произведения, представляющие собой пародию на учебную литературу. Эта черта свойственна классическому патерику.

В книге М. Кучерской представлены следующие черты классического патерики:

1. В составе книги оказываются произведения разных жанров (анекдотические, рассказы, притчевые, отсылающие к учебной литературе).

2. Демонстрируются отрицательные стороны жизни в монастыре, это связано с установкой на поучение, воспитание читателя.

3. Хронология выстраивается как относительная, «событийная», акцентируются укрупнённые единицы времени, время оказывается приблизительно и обобщено.

4. Происходит сужение житейского пространства героя при его духовном продвижении.

5. Главным в жизни старцев оказываются смирение и труд, как физический (монастырские дела), так и духовный.

6. Акцентируется отображение обычной жизни с её повседневными заботами.

7. Героями становятся не только монахи, но и благочестивые миряне.

8. Происходит переплетение с фольклорной традицией: звучит живая, народная речь в противовес канонам, появляются сказочные мотивы.

9. Герой оказывается приближен к народу, им может быть и раскаявшийся грешник.

В книге архимандрита Тихона «Несвятые святые» и другие рассказы» представлены следующие образы:

1) священнослужители (отец Иоанн, архимандрит Серафим, отец Нафанаил, схиигумен Мелхиседек, отец Гавриил);

2) монахини (матушка Фрося);

- 3) священнослужители, нарушающие правила (Августин, отец Григорий);
- 4) прихожане церкви (Н. С. Леонтьев, Зураб и Елена Чавчавадзе);
- 5) миряне (милиционер);
- 6) представители власти;
- 7) персонажи вставных рассказов по типу легенд, притч (монахи – лентяи и пьяницы).

Можно заметить, что в книге упоминаются различные герои: среди них как великие монахи, подвижники, старцы, так и обычные люди, прихожане или же священнослужители, которые не были безгрешными.

Конфликт произведения заключается не только в борьбе с искушениями, но и с произволом властей, что было свойственно и классическому патерику. В «Несвятых святых и других рассказах» актуализируется конфликт с советской властью, доходящий до серьезных запретов в сторону церкви: «Вскоре были взорваны, закрыты, переоборудованы под склады и машинно-тракторные станции тысячи соборов и храмов. Упразднена большая часть высших духовных учебных заведений. Разогнаны почти все монастыри. Множество священников оказалось в тюрьмах» [архимандрит Тихон 2012: 189].

Для верного понимания книги архимандрита Тихона важен образ главного героя, который объединяет собой всё произведение, именно от его лица ведётся повествование. Его духовный путь описан в книге. Однако он описывается с разных сторон: герой иногда попадает под искушение, но стремится его преодолеть.

В книге архимандрита Тихона также представлены произведения разных жанров: некоторые тяготеют к притче («Об одной святой обители», «Про молитву и лисичку» и т. д.). Некоторые представленные произведения были взяты из «Пролога» – «древнерусского житийного сборника, ведущего своё происхождение от византийских месяцесловов» [Луначарский 1935: 313-314].

На уровне субъектной организации можно отметить несколько видов повествования, отраженных в книге архимандрита Тихона:

1. Повествование от имени рассказчика (от 1-го лица). Он рассказывает о всех событиях, описанных в книге и принимает в них непосредственное участие. Кроме того, он комментирует эти события и задаёт вектор восприятия образов определенных героев.

2. От 3-го лица написаны вставочные произведения, которые не относятся напрямую к истории героя.

3. От 1-го лица множественного числа, например, «Слово на литургии на монашеском постриге....», которое соотносится с церковным жанром.

В произведении отображены следующие черты, соотносящиеся патериковой традицией:

1. В составе книги – произведения, тяготеющие к разным жанрам (притчи, рассказы, церковные жанры).

2. В основе – конфликт, заключающийся в противостоянии святых искушениям, врагам, произволу властей, отрицательным явлениям в монастыре.

3. Герои – не только монахи, но и благочестивые миряне.

4. Главное в жизни старцев – смирение и труд, как физический, так и духовный.

5. Сужение житейского пространства при духовном продвижении героя.

6. Переплетение с фольклорной традицией: живая, народная речь в противовес канонам.

Примечательно, что в книгах архимандрита Тихона и М. Кучерской можно отметить некоторые общие особенности, например, оба автора описывают одинаковых героев: отец Василия (Родзянко), отец Иоанна Крестьянкин и др.

Итак, в книге М. Кучерской и архимандрита Тихона прослеживаются следующие черты патерика: в составе книг произведения, тяготеющие к разной жанровой направленности; конфликтом становится борьба с искушениями; герои – не только великие старцы, но и миряне; присутствует живая народная речь; главное в жизни старцев – труд и смирение; зачастую отображается повседневная жизнь. Немаловажно, что небольшие произведения в книгах объединяются целью, темой.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что представленные современные авторы опираются на традицию патерика в своих книгах.

Важно, что рассмотренные в статье произведения представляют два вектора развития патериковой традиции в современной литературе: книга архимандрита Тихона является преемником традиции патерика, вбирает в себя многие его особенности, а книга Майи Кучерской переосмысляет патериковые традиции и трансформирует их в соответствии с современной действительностью, на контрасте изображает жизнь мирян и священнослужителей.

Литература

1. *Архимандрит Тихон (Шевкунов)* Несвятые святые и другие рассказы. – 4-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря: ОЛ-МА Медиа Групп, 2012. – 640 с.

2. *Бачинин В. А. Эстетика.* Энциклопедический словарь. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2005. – 288 с.

3. *Гродецкая А. Г.* Патериковые сюжеты в «Отце Сергии» // Яснополянский сборник. – Тула: Ясная Поляна, 2000. – С. 65-84.

4. *Елагин В. С.* Духовный мир Киево-Печерского патерика: учебно-методическое пособие / В. С. Елагин, И. И. Шаланова. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. – 240 с.

5. *Кучерская М. А.* Современный патерик : Чтение для впавших в уныние / М. А. Кучерская; предисл. С. Чупринина. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Время, 2008. – 320 с.

6. *Литературная энциклопедия: в 11 т.* / редкол.: А. В. Луначарский [и др.]. – М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-т. «Сов. энцикл.», 1935. – Т. 9. – 832 с.

7. *Литературный энциклопедический словарь* / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.

Верстунина И. В. (Екатеринбург, УрГПУ)

***Языковая личность Ипполита Матвеевича Воробьянинова
в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»
и в рассказе «Прошлое регистратора ЗАГСа»***

Аннотация. В статье рассматривается образ одного из главных героев романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» – Ипполита Матвеевича Воробьянинова. Описаны все уровни языковой личности данного персонажа. В статье осуществляется лингвоперсоналогический подход к художественному произведению. Исследуется взаимодополняемость произведений «Двенадцать стульев» и «Прошлое регистратора ЗАГСа». Приведены возможные способы применения данного исследования в школьной практике преподавания лингвистических курсов.

Ключевые слова: романы, языковая личность, рассказы, литературные герои, русская литература, русские писатели.

Verstunina I. V. (Yekaterinburg, USPU)

***Language personality of Ippolit Matveevich Vorobyeninov
in the novel by I. Ilf and E. Petrov «Twelve chairs»
and in the story «Past Registrar of the registry office»***

Abstract. The article considers the image of one of the main characters in the novel by I. Ilf and E. Petrov «The Twelve Chairs». All levels of language personality by Ippolit Matveyevich Vorobyeninov are described. In the article, a linguopersonological approach to an artistic work is carried out. The relationship between products «The Twelve Chairs» and «Past Registrar of the Registry Office». Possible ways of applying this research in school practice are presented.

Keywords: novels, language personality, stories, literary heroes, Russian literature, Russian writers.

Герой-лидер и его верная десница – одна из распространенных дихотомий в истории мировой литературы. Произведения

начала XX века не стали исключением. Одним из знаковых авантюрных романов эпохи стал роман-фельетон И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», а его главный герой Остап Бендер стал практически архетипом. Вместе с ним в романе на принципе контраста и противопоставления действует Ипполит Матвеевич Воробьянинов. «В целом Воробьянинов под надзором Остапа Бендера “быстро растворялся в могучем интеллекте сына турецко-подданного”. Данный образ не соответствует новому имени. Ипполит Матвеевич продолжает терять себя и смиряется с прозвищем, которое более пристало ребенку, чем взрослому человеку. Отныне он Киса Воробьянинов и просто Киса, Кисуля. Прозвище, созвучное со словами *кислый*, *киса* (кот), свидетельствует о презрительном и пренебрежительном к нему отношении со стороны великого комбинатора» [Лелеш 2015: 74]. «Несоответствие уменьшительно-ласкательного прозвища его взрослому носителю приводит к отрицательному эффекту, ведь Ипполит Матвеевич, прожив долгую жизнь, не сумел стать чем-то большим, чем Киса. Воробьянинов не нашел себя в новом времени, он опустился до воровства, попрошайничества, обмана и убийства, его падение сопровождалось сменой номинаций, вызывающих у читателя улыбку, а не ощущение трагедии» [Лелеш 2015: 75]. «Заключенное в дворницкой соглашение между Бендером и Воробьяниновым влечёт за собой установление иерархических отношений, имитирующих характерное для канализованной плутовской литературы распределение ролей между пикаром и господином» [Люликова 2015: 4].

Отсюда образ Кисы Воробьянинова становится интересным для изучения с лингвоперсонологической точки зрения. Он ярко противопоставлен образу Остапа Бендера, из-за чего собственные его черты становятся более отчужденными.

Изучение данного образа в свете лингвоперсонологии позволит по-новому взглянуть на литературоведческий анализ художественного произведения. Результаты данного исследования можно будет применять как на уроках литературы при анализе романа «Двенадцать стульев», для сопоставления героев при закреплении понятия «контраст», так и на уроках русского языка или культуры речи при рассмотрении конкретных коммуникативных ситуаций. Актуальность данной работы будет состоять в попол-

нении лингвистического подхода к изучению художественного произведения. Таким образом, основными целями данного исследования станет выяснение черт речи, свойственных данному персонажу, степень их воздействия на собеседника и читателя.

В своем романе И. Ильф и Е. Петров подчеркивают консервативность во взглядах Воробьянинова, касающихся жизненных устоев. Несмотря на то, что его мир раздолжности и вседозволенности был разрушен, он пытается сохранить свои привычки, сформировавшиеся на протяжении большого количества лет.

При анализе **фонетико-фонологических** особенностей речи Воробьянинова можно отметить нормативность. В его речи нет непреднамеренного изменения положения ударения в словах, но иногда можно отметить небольшое заикание. Однако слова он произносит нечетко, что объясняется его нежеланием вступать в коммуникацию и быть понятным для собеседника.

В звучании речи Воробьянинова можно наблюдать нотки клишированности, что можно объяснить особенностями его профессиональной деятельности и малым кругом общения, который в начале романа ограничен обществом тещи, которую он не любил, а, следовательно, и мало с ней общался. Чаще всего это бытовые темы и проблемы, а их вербализовать можно привычным для обоих коммуникантов способами, либо вообще обойтись только жестами и мимикой.

Ипполит Матвеевич внимательно поглядел на перильца, за которыми стояла чета.

– *Рождение? Смерть?*

– *Сочетаться, – повторил мужчина в пиджаке и растерянно оглянулся по сторонам.*

<...>

– *Молодые люди, – заявил Ипполит Матвеевич **выспренно**, – позвольте вас поздравить, как говаривалось раньше, с законным браком. Очень, **оч-чень** приятно видеть таких молодых людей, как вы, которые, держась за руки, идут к достижению вечных идеалов. Очень, **оч-чень** приятно!*

Как видно из приведенного эпизода Воробьянинов использует несколько устаревшие и клишированные интонации, т. е. в словаре С. И. Ожегова прилагательное **ВЫСПРЕННИЙ** трактуется как «то же, что и высокопарный» с пометой *устар.* [Оже-

гов 2014: 190]. Данная нарочитая пафосность перемежается небольшим заиканием. Такой авторский прием подчеркивает стремление Воробьянинова не выходить за рамки стандарта, хотя политическая ситуация в стране на тот период перевернула все жизненные устои. Начинает свою формальную речь Воробьянинов довольно общепринято, но уже во втором предложении добавляет свои слова. Темп речи меняется, он начинает запинаясь, заикаться, повторяться – все это подчеркивает его волнение, когда необходимо действовать в ситуации, которая не предполагает определенного сценария.

Заикаться Воробьянинов начинает и тогда, когда видит перед собой более уверенного собеседника, каковым является Остап Бендер. Когда они встречаются в дворницкой, Ипполит Матвеевич думает, что помощник в таком сложном деле, как поиски бриллиантов, не повредит, а на деле получается, что помощником будет он, Воробьянинов начинает неумело спорить.

В эпизоде первой главы, когда на работе у Воробьянинова был перерыв, герой начинает заикаться, когда его высказывания сослуживцы стали принимать на смех: ***М-мальчишка!** – прошептал Ипполит Матвеевич и, негодуя, направился к своему столу.* Здесь можно услышать и привычную громкость речи Ипполита Матвеевича и его невысказанное недовольство.

Также можно услышать заикание в речи Воробьянинова, когда он узнает, что может снова разбогатеть, если найдет бриллианты: *«Но вы хотя бы представляете себе, куда эти стулья могли попасть? Или вы думаете, быть может, что они смиренхонько стоят в гостиной моего дома и ждут, покуда вы придете забрать ваши **p-регалии**?»* Здесь заикание объясняется высоким эмоциональным напряжением.

Заикается он и в зале торга, когда понимает, что прокутил все деньги, заработанные им в союзе «Меча и орала». Понимает, что так просто он не отделается от наказания Остапом Бендером: *«Нет, действительно, это **ч-черт** знает что такое! – продолжал горячиться Воробьянинов. – Дерут с трудящихся тридцать три рубля. Ей-Богу!.. За какие-то подержанные десять стульев двести тридцать рублей. С ума сойти...»*.

Вообще, зачастую эмоции Воробьянинова не подвластны ему, он не контролирует громкость речи и ее содержание. Например,

когда он узнает о местонахождении бриллиантов тещи, то сразу же срывается и начинает буквально кричать, хотя изначально в коммуникацию на смертном одре вступил неохотно.

Если собеседник сильнее Воробьянинова, то он пытается не спорить и не вызывать конфликт, но в обратном случае Ипполит Матвеевич показывает свое нетерпение. Например, когда в конце рабочего дня к нему пришел Безенчук, он разговаривает с ним более строго.

Все же с высоты своего возраста Воробьянинов не забывает о своих привычках молодого повесы, который не против пофлиртовать с молодыми барышнями, при чем здесь он уже не такой вспыльчивый, сдерживает своих эмоции, чтобы понравиться Лизе.

Вывод: на фонетико-фонологическом уровне в речи Ипполита Матвеевича Воробьянинова наблюдается нормативность, но, когда он начинает нервничать по самым разным причинам, то начинает иногда заикаться, выдавая свою неуверенность. Он не любит вступать в коммуникацию, и, если есть возможность от нее уйти, Воробьянинов не станет дальше продолжать беседу и уйдет, пробормотав что-то *невнятное*. В силу своей основной деятельности – регистратора ЗАГСа – он привык использовать клишированные фразы, отсюда клишированные и безэмоциональные интонации. Он может подстроиться под ситуацию и использовать подходящий тембр голоса, однако не всегда он это делает умело и не всегда это приводит к ожидаемым результатам. Например, после желания произвести впечатление на Лизу, он просыпается в отделении милиции, «из двухсот рублей, которыми он так позорно начал ночь наслаждений и утех, при нем оставалось только двенадцать».

На **словообразовательном уровне** в речи Ипполита Матвеевича Воробьянинова также можно отметить следование норме. Иногда он использует словоерс, но не в знак почтения к собеседнику, а, наоборот, для того, чтобы «подстегнуть», например, в схватке с отцом Федором: «*Да-с, да-с, национализированное*».

Либо для того, чтобы подчеркнуть псевдоосновательность своей проблемы, когда он обсуждает физические убытки, полдуенные на разных этапах концессии: «*Нет-с, простите, повреждения я получил на работе-с!*» Также это подчеркивает волнение Воробьянинова.

В начале романа называет тещу «*маман*». С одной стороны это слово можно понимать как употребленное с просторечным аффиксом. Суффикс *-ан-* имеет следующее словообразовательное значение: «лицо или животное, характеризующееся тем, что названо мотивирующим словом с семантическим подтипом “лицо, склонное к тому, что названо мотивирующим словом (с оттенком неодобрения)”»: *интриган, политикан*» [АГ'80: 188, § 339]. С другой стороны – это день чести французским манерам, которые из-за политической обстановки ушли в небытие.

Воробьянинов не теряет возможности вспомнить былые времена, всячески пытается поддерживать в себе дворянские привычки. В силу своей консервативности и патриархальности он не склонен принимать что-то новое, а уж тем более не способен сам что-либо создавать. В его речи нет какого-либо намека на словотворчество и метафорическое использование высказываний.

На **лексическом уровне** наблюдается смешение слов разных стилей, смешиваются просторечные, устаревшие и клишированные конструкции. В его фразах наряду с книжной лексикой, привычка употреблять которую сформировалась у Воробьянинова еще в эпоху царской России, используются и сниженная, ругательная лексика. Клишированность в его речи обусловлена должностью, которую он занимает последние несколько лет. Просторечность и употребление устаревших слов – результат желания Воробьянинова сохранить в себе дворянские замашки, которые он с легкостью продемонстрировал в XXII главе «От Севильи до Гренады», когда пытался произвести впечатление на Лизу. Здесь его лексика колеблется от высокой книжной («*Помню я Москву, Елизавета Петровна, не такой. Сейчас во всем скарденность чувствуется. А мы в свое время денег не жалели. “В жизни живем мы только раз” – есть такая песенка*»), до просторечной («Нет, зачем же? Как дворянин, не могу допустить! Сеньор! Счет! Хамы!...»). Здесь же он показывает ведомость своего характера, употребляя услышанную им фразу Остапа Бендера: «*Может быть, вам еще дать ключ от квартир, где деньги лежат?*»).

Также он иногда употребляет калькированные фразы из французского и немецкого, например, *бонжур, гут морген* (1).

Остап просит Воробьянинова сказать целое высказывание на смеси языков:

– *Французский язык знаете, надеюсь?*

– *Очень плохо. В пределах гимназического курса.*

– *Гм... Придется орудовать в этих пределах. Сможете ли вы сказать по-французски следующую фразу: «Господа, я не ел шесть дней»?*

– *Мосье, – начал Ипполит Матвеевич, запинаясь, – мосье, гм, гм... же не, что ли, же не манж па... шесть, как оно, ен, де, ттуа, катр, сент, сис... сис... жур. Значит – же не манж па сис жур! (2)*

Если первые фразы показывали хорошее расположение духа героя перед началом дня, то перевод предложения «Господа, я не ел шесть дней» вызван потребностью героев в денежных средствах. Если в первом случае Воробьянинов использует слова, желая выразить *собственное* состояние, то во втором – его на это сподвигает Остап Бендер, дабы доказать Воробьянинову, что «*Теперь вы дозрели и приобрели полную возможность зарабатывать деньги честным трудом*». Однако барские замашки Ипполита Матвеевича дают о себе знать, он «*мигом преобразился. Грудь его выгнулась, как Дворцовый мост в Ленинграде, глаза метнули огонь, и из ноздрей, как показалось Остапу, повалил густой дым. Усы медленно стали приподниматься.*

– *Ай-яй-яй, – сказал великий комбинатор, ничуть не испугавшись. – Посмотрите на него. Не человек, а какой-то конек-горбунок.*

– *Никогда, – принялся вдруг **чрево вещать** Ипполит Матвеевич, – никогда Воробьянинов не протягивал руку...*

– *Так протянете ноги, старый дуралей! – закричал Остап. – Вы не протягивали руки?*

– *Не протягивал».*

В этом небольшом эпизоде видно, как Ипполиту Матвеевичу претит делать то, что предлагает ему Остап Бендер. Однако своих вариантов заработка Воробьянинов предложить не может, и вынужден согласиться с гендиректором концессии. В этом же эпизоде можно проследить как меняются сравнения о Воробьянинове: *Дворцовый мост – конек-горбунок – старый дуралей*. Такая динамика коррелирует с биографией Ипполита Матвеевича: когда-то он был богат и знаменит в определенных кругах, потом произошли

изменения в жизни страны, а он не менял своих приоритетов. Остап Бендер с легкостью выводит Воробьянинова на чистую воду, доказывая несостоятельность его мироустройства:

– Как вам понравится этот альфонсизм? Три месяца живет на мой счет! Три месяца я кормлю его, пою и воспитываю, и этот альфонс становится теперь в третью позицию и заявляет, что он... Ну! Довольно, товарищ! Одно из двух: или вы сейчас же отправитесь к «Цветнику» и приносите к вечеру десять рублей, или я вас автоматически исключаю из числа пайщиков-концессионеров. Считаю до пяти. Да или нет? Раз...

– Да, – **пробормотал** предводитель.

– В таком случае повторите заклинание.

– Месье, же не манж па сис жур. Гебен **мир зи** битте этвас копек ауф дем штюк брод. Подайте что-нибудь бывшему депутату Государственной думы.

– Еще раз. **Жалостнее.**

Ипполит Матвеевич повторил.

– Ну, хорошо. **У вас талант к нищенству заложен с детства.** Идите. Свидание у источника в полночь. Это, имейте в виду, не для романтики, а просто вечером больше подают.

Воробьянинов ничего не может поставить в противовес аргументам Бендера и, как всегда, что-то бормоча себе под нос, соглашается с ним и делает то, что Остап предлагает. Остап легко манипулирует интонациями Воробьянинова, а тот покорно соглашается. В конце Остап резюмирует, что нищенство заложено в Ипполите Матвеевиче уже давно, но он пытается это скрыть под лоском былых цитат и надежд.

Вывод: лексика, употребляемая Ипполитом Матвеевичем, подчеркивает его стремление сохранить свои старые привычки молодого ветреного повесы и слабость его характера. Наряду с невнятностью своей речи он использует вышедшие из обихода формы.

На **морфолого-синтаксическом уровне** можно наблюдать немногословие и преобладание простых предложений с большой долей клишированности. «Владение морфологической нормой во многом определяет степень языковой компетенции личности» [Иванова 2014: 115]. Речь Ипполита Матвеевича Воробьянинова всегда зависит от контекста. Он не станет повторять слова, а предпочтет просто что-то пробормотать себе под

нос, лишь бы не затягивать коммуникацию. Он отдает всю инициативу собеседнику, а сам делает вид, что поддерживает разговор, на самом деле желая, чтобы все быстрее закончилось. Следовательно, о высоком уровне его языковой компетенции говорить не приходится, т. к. Воробьянинов часто использует просторечные формы слов, употребление которых было вытеснено современной нормой еще в начале XX века.

При общении с Остапом Бендером он многого не может понять в силу его быстрой и запутанной речи: *«Ипполит Матвеевич даже и не старался ничего понять. Он уже давно махнул на все рукой и молча сидел, надувая щеки»*.

При анализе вербально-семантического уровня языковой личности Ипполита Матвеевича Воробьянинова мы пришли к выводу о том, что на всех уровнях языковой системы проявляется следование старшей норме, стремление к отказу контроля над ситуацией, этому способствуют однотипные интонации в речи, ее темп и неконтролируемые скачки, вызванные высоким эмоциональным напряжением героя. Он часто вскрикивает, тем самым выдавая свое беспокойство и нетерпение получить все здесь и сейчас, не проявив какой-либо смекалки и эрудиции. Воробьянинов не хочет что-либо менять в своей жизни, что могут подтвердить взаимоисключающие синтагмы в предложении: *«Этот пиджак я ношу уже пятнадцать лет, и он все как новый!»*.

Концептуальный уровень языковой личности характеризуется через лексикон, прагматикон и тезаурус [Караулов 2010: 98].

В **прагматикон** личности входят следующие прецедентные феномены: Пфеферкорн и Инезилья. Все они употреблены с целью произвести впечатление на молоденькую Лизу. Пытаясь всячески ублажить молодую особу, Воробьянинов лжет про свой возраст, включает все известные ему способы обольщения, которые он использовал уже много лет назад.

Основу **тезауруса** языковой личности Ипполита Матвеевича Воробьянинова будут входить слова, касающиеся его основной деятельности – регистратора ЗАГСа и бухгалтерский учет, т. к. на протяжении всего романа он отвечает за материальное благосостояние «компании», которую он устроил вместе с Остапом Бендером по поиску бриллиантов. В приведенном нами лексиконе это такие слова как *дело, деньги, цифра, рубль, бриллианты,*

стулья. Данные слова используются с определенной частотностью, т. к. это обусловлено спецификой авантюрного романа.

Таким образом, при описании концептуального уровня языковой личности Ипполита Матвеевича Воробьянинова мы можем судить о его основных жизненных установках – это стремление сохранить в своей жизни спокойный и беспечный уклад дворянской жизни, не отягощенный изнурительной физической или тяжелой интеллектуальной работой. Даже в таком личном деле, как поиск бриллиантов собственной тещи, он сумел найти человека, который основной груз ответственности взял на себя и продуцировал все идеи. Воробьянинов лишь подсчитывал убытки и радовался доходам, которые удавалось получить на разных этапах общего дела с Остапом Бендером.

Степень личной вовлеченности в различные коммуникативные ситуации обусловлена у Ипполита Матвеевича Воробьянинова размером прибыли, которую он может получить при общении с определенным человеком. Чаще всего он не стремится сам начинать беседу, пытаясь однословно поддерживать или просто выходить из коммуникации. Он не держит контроль над ситуацией, поэтому стиль его общения можно назвать невлиятельным. Отвечает невнятно, односложно.

Все приведенные выше особенности речи языковой личности Ипполита Матвеевича Воробьянинова возможно спроецировать на классификацию типов речевых культур И. А. Стернина [Стернин 2013: 8-9], т. к. его общий культурный фон не отличается особой широтой, в его взглядах на жизнь нет особой глубины, все ограничивается жадной легкой наживы и преодолением нищенской черты. Применение данной классификации, которая была разработана в отношении реально существующих людей, показывает ее универсальность.

При характеристике всех уровней языковой личности мы пришли к выводу о том, что Ипполит Матвеевич Воробьянинов по своей сущности – консерватор, не жалеющий принимать новое. Он неохотно взаимодействует с людьми, привык писать клишированные фразы в толстые книги, не проявляя интереса ни к тому, что он пишет, ни к тем, про кого он пишет. Всю ответственность стремится переложить на других, а сам уйти, бормоча что-то себе под нос. При этом, когда ситуация подра-

зумекает его ответ за свои слова, герой начинает нервничать, заикаться и говорить что-то нелогичное.

В рассказе «Прошлое регистратора ЗАГСа» показано начало жизненного пути Кисы Воробьянинова. В романе «Двенадцать стульев» в деталях описан один из эпизодов жизни героя, который он заканчивает трусливым покушением на Остапа Бендера. На протяжении романа Воробьянинов перенимает некоторые причуды Остапа Бендера и в конце приходит к выводу, что завершить концессию он сможет сам, забрав себе все драгоценности.

Литература

1. *Иванова Е. Н.* Морфологические предпочтения исторической языковой личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2014. – № 1. – С. 115-121.

2. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010.

3. *Лелеш В. В., Крисанова И. В.* Антропонимическая парадигма «Ипполит Матвеевич Воробьянинов» в романе И. Ильфа, Е. Петрова «Двенадцать стульев» // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира. – 2015. – № 1. – С. 72-77.

4. *Люликова А. В.* Традиции карнавальской культуры в диалогии И. А. Ильфа и Е. П. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» // Новое слово в науке: перспективы развития. – 2015. – № 2 (4). – С. 273-276.

5. *Маслова И. В.* Николай Стахеев: историческая личность в литературном образе Кисы Воробьянинова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6-2 (56). – С. 111-113.

6. *Русская грамматика.* – М.: Наука, 1980. – Т. 1.

7. *Стернин И. А.* Типы речевых культур. – Воронеж, 2013.

8. *Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова.* – 28-е изд., перераб. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2014.

Зырянова Н. С. (Екатеринбург, УрГПУ)

Экспериментальное исследование учебного текста

Аннотация. Статья посвящена исследованию восприятия учебных текстов учащимися среднего школьного возраста. Определены виды учебных текстов, используемых в процессе обучения русскому языку. Экспериментально верифицировано предположение относительно того, что на эффективное восприятие учебного текста будет влиять его квантование (деление на короткие части, выделение ключевых слов, яркие заголовки и пр.). Анализ результатов эксперимента позволил разработать некоторые рекомендации для составления учебных текстов.

Ключевые слова: учебные тексты, экспериментальные исследования, квантованные учебные тексты, восприятие текстов, методика русского языка в школе, школьники, русский язык.

Zyryanova N. S. (Yekaterinburg, USPU)

Experimental study of the educational text

Abstract. The purpose of the work – the study of educational texts. We assumed that the effective perception of the educational text will be affected by the preparedness of the educational text (division into short parts, highlighting keywords, bright headings). Analysis of the results of the experiment allowed us to make some recommendations for the preparation of educational texts.

Keywords: educational texts, experimental studies, quantized educational texts, text perception, Russian language method at school, schoolchildren, Russian language.

В настоящее время все больше внимание исследователей привлекает проблема восприятия и обработки информации разного рода в процессе становления и развития языковой личности, формирования языковой компетенции [Цейтлин 2000; Гри-

дина 2018]. Данная статья посвящена анализу восприятия учебного текста современными школьниками.

Учебный текст рассматривается нами как источник научной, познавательной информации, зафиксированной в письменном виде. Основное его назначение – ставить определенные задачи, проблемы и помогать находить ключ к решению данных проблем. В связи с тем, что ученик – это субъект учебной деятельности, учебный текст должен быть построен таким образом, чтобы ученик не получал нужную ему информацию в готовом виде, а пытался сам найти ответы на поставленные вопросы. Учебный текст можно разделить на два вида: теоретический и практический. Первый вид должен включать в себя информацию, направленную на развитие интеллектуальных способностей, актуализацию старых знаний, развитие творческого потенциала ученика. Второй вид учебного текста должен помочь ученикам соотнести в сознании теорию и практику, научить применять теоретические знания на практике. Поэтому в практическом учебном тексте должны быть задания, которые поднимают проблемные вопросы, позволяют применить теоретические знания в типовых ситуациях. Современный учебный текст должен развивать творческий, коммуникативный потенциал ребенка. Таким образом, можно сформулировать несколько базовых функций учебного текста, к которым относятся: когнитивная, коммуникативная, прогностическая, мотивационная, профессиональная, креативная, дидактическая, воспитательная, оценочная. Остановимся более подробно на когнитивной функции, связанной с восприятием, обработкой информации, ее хранением, воспроизведением, а также с продуктивным ее применением в новых ситуациях.

Часто исследователи и учителя-практики отмечают, что у учащихся возникают объективные причины непонимания учебного текста [Гальперин 1981; Гридина, Коновалова 2016]. С одной стороны, это связано с индивидуальным латеральным профилем обучающегося [Коновалова 2011, 2018], объемом кратковременной памяти слушающего (читающего) и др. особенностями развития языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка [Бутакова 2010]. С другой стороны, причины непонимания учебного текста кроются в нем самом, в

особенностях его построения и предъявления, в формальной и содержательной сложности и др. текстовых параметрах [Леонтьев 1969; Караулов 1993].

Одной из эффективных технологий облегчения усвоения текста является методика квантования. Теорию квантования учебного текста предложил В. С. Аванесов. Цель данной теории: «сделать учебный текст понятным и ясным для читателей, чтобы исключить или заметно уменьшить зависимость понимания смыслов текста от различий в интерпретации» [Аванесов 2014: 17]. Суть теории заключается в том, что разделение текста на короткие части делает его более понятным большинству, а выделение ключевых слов, микротем, яркие заголовки помогает более четко структурировать информацию в сознании воспринимающего ее субъекта. По предложенной в данной работе методике нами был проведен эксперимент: «Квантование учебного текста».

В эксперименте приняли участие пятиклассники в возрасте 11-12 лет. Суть эксперимента: испытуемых делят на 2 группы (Группа А и Б). Группе А предлагают прочитать учебный текст, в котором не выделены микротемы, абзацы, опорные слова.

Текст 1 (без квантования):

Слово грамматика образовано от греческого слова «грамма», что значит «буква», «знак». Сначала под словом грамматика понимали умение (искусство) читать и писать буквы. В настоящее время словом грамматика называют раздел науки о языке, в который входят морфология и синтаксис. Морфология (греч. «морфе» – форма, «логос» – наука, слова) – раздел грамматики, в котором изучаются слова как части речи. А это значит, что морфология изучает общие значения и изменения слов. Слова могут изменяться по родам, числам, падежам, лицам и т. д. Например, существительное стол обозначает предмет и изменяется по падежам и числам, прилагательное письменный обозначает признак предмета и изменяется по родам, числам и падежам. Но есть слова, которые не изменяются, например союзы, предлоги, наречия. Морфология тесно связана с орфографией, поэтому изучение морфологии связано с изучением орфографических правил. Орфография (греч. «орфо» – правильный, «графо» – пишу) – раздел науки о языке, в котором излагается система правил написания слов. Ценность русской орфогра-

фии – в строгом соблюдении орфографических правил. Известный отечественный языковед Л. В. Щерба писал: «Писать безграмотно – значит посягать на время людей, к которым мы адресуемся, а потому совершенно недопустимо». Грамотное письмо – признак культурного человека. Чтобы грамотно писать, нужно знать орфографические правила и уметь применять их. В русском письме есть такие случаи, когда неясно, какое написание является правильным. Выбрать правильное написание можно только опираясь на правило. Такое написание в слове, которое соответствует определенному орфографическому правилу, называется орфограммой. Чтобы правильно писать, нужно уметь быстро находить то место, где возможна ошибка.

Группе Б предлагается тот же текст, только разделенный на абзацы, микротемы.

Текст 2 (с квантами информации):

Слово *грамматика* образовано от греческого слова «грамма», что значит «буква», «знак». Сначала под словом грамматика понимали умение (искусство) читать и писать буквы. В настоящее время словом грамматика называют раздел науки о языке, в который входят морфология и синтаксис.

Морфология (греч. «морфе» – форма, «логос» – наука, слова) – раздел грамматики, в котором изучаются слова как части речи. А это значит, что морфология изучает общие значения и изменения слов.

Слова могут изменяться по родам, числам, падежам, лицам и т. д. Например, существительное стол обозначает предмет и изменяется по падежам и числам, прилагательное письменный обозначает признак предмета и изменяется по родам, числам и падежам. Но есть слова, которые не изменяются, например союзы, предлоги, наречия. Морфология тесно связана с орфографией, поэтому изучение морфологии связано с изучением орфографических правил.

Орфография (греч. «орфо» – правильный, «графо» – пишу) – раздел науки о языке, в котором излагается система правил написания слов. Ценность русской орфографии – в строгом соблюдении орфографических правил. Известный отечественный языковед Л. В. Щерба писал: «Писать безграмотно – значит посягать на время людей, к которым мы адресуемся, а потому со-

вершено недопустимо». Грамотное письмо – признак культурного человека.

Чтобы грамотно писать, нужно знать орфографические правила и уметь применять их. В русском письме есть такие случаи, когда неясно, какое написание является правильным. Выбрать правильное написание можно только опираясь на правило.

Такое написание в слове, которое соответствует определенному орфографическому правилу, называется орфограммой. Чтобы правильно писать, нужно уметь быстро находить то место, где возможна ошибка.

Каждая группа должна ответить на одинаковые вопросы:

1. Что называется грамматикой?
2. Что изучает морфология?
3. Приведи примеры из статьи, поясняющие, что изучает морфология.
4. Что изучает орфография?
5. Что нужно знать, чтобы писать грамотно?
6. Что такое орфограмма?
7. Почему человеку нужно быть грамотным? Зачем писать грамотно (ответь 1-2 предложениями)?

Предположительно у группы А прочтение текста займет больше времени, поскольку поиск информации затруднен формой предъявления материала; возникнут затруднения с ответами на вопросы. Группа Б должна быстрее справиться с заданием, опираясь на четкую композиционную структуру, текстовые выделения и др. «подсказки» квантования информации, соответственно и ответы на вопросы не должны вызвать особых затруднений.

Цель эксперимента: доказать, что подготовленные учебные тексты (разделенные на абзацы, с микротемами, с яркими и запоминающимися заголовками) способствуют эффективному восприятию учебного текста.

Результаты эксперимента. Группа Б дала больше правильных ответов. Для ответов на вопросы группе Б потребовалось примерно 15 минут. При ответе на некоторые вопросы респонденты приводили примеры из текста или свои примеры, основываясь на собственном опыте и предшествующих знаниях.

Группе А времени на ответы потребовалось больше, около 20 минут. Ответы были неправильными, неполными, неточными

или содержали в себе второстепенную информацию при неучете основной.

Заметим, что в каждой группе участники эксперимента больше внимания обращали на информацию, которая стоит в первой части определений, что соответствует общепризнанному постулату о «сильных позициях текста» [Гальперин 1981]. Поэтому мы сделали вывод о том, что главную информацию нужно выводить на первый план учебного текста.

Анализ результатов эксперимента позволил составить рекомендации для учащихся школьного возраста.

1. Учебный текст надо делить на микротемы, разбивать на абзацы, так как это облегчает восприятие текста, что связано, в частности, с объемом оперативной памяти, характером концентрации внимания учащихся среднего школьного возраста.

2. Ключевые слова, основную мысль текста надо выделять цветом или шрифтом, что позволяет воспринимающему учебную информацию фиксировать взгляд на главном даже при беглом прочтении.

3. Главную информацию в определениях надо помещать в первую часть определения (в «сильную позицию текста»).

4. Акцентирование внимания на сложных элементах учебного текста заключается в так называемых притекстовых заданиях, предваряющих основную работу с содержанием изучаемого материала.

Литература

1. *Аванесов В. С.* Теория квантования учебных текстов // Образовательные технологии. – 2014. – № 2. – С. 14-26.

2. *Бутакова Л. О.* Динамика развития языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка: Экспериментальное исследование речи школьников в одном регионе. – Омск: «Вариант-Омск», 2010. – 146 с.

3. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – 138 с.

4. *Гвоздев А. Н.* Вопросы изучения детской речи. – СПб.: Детство-Пресс, 2007. – 472 с.

5. *Гридина Т. А.* «Через язык открывается дитяти сознание...»: соотношение вербального и предметного кодов в детской картине мира // Филологический класс. – 2018. – № 2. – С. 64-69.

6. *Гридина Т. А., Коновалова Н. И.* Диагностика грамматико-словообразовательных умений детей с общим недоразвитием речи как основа коррекционной работы // Специальное образование. – 2016. – № 2 (42). – С. 39-50.

7. *Караулов Ю. Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. – М.: Русский язык, 1993. – 330 с.

8. *Коновалова Н. И.* От формальной логики к «живой грамматике»: идеи Ф. И. Буслаева в современной теории и практике обучения русскому языку // Филологический класс. – 2018. – № 2. – С. 59-63.

9. *Коновалова Н. И.* Психолингвистические основы методики обучения русскому языку // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2011. – № 9. – С. 194-202.

10. *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.

11. *Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 2000. – 240 с.

Кабилова А. А. (Екатеринбург, УрГПУ)

*Модель мира в западных и российских
современных антиутопиях*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению жанра антиутопии в сравнительно-сопоставительном ключе, с целью выявления сходства и различий между антиутопиями западными и российскими.

Ключевые слова: антиутопии, устройство антиутопического общества, литературные жанры, время, пространство, модели мира, русская литература, западная литература.

Kabirova A. A. (Yekaterinburg, USPU)

Model of the world in western and Russian modern dystopia

Abstract. This article studies the genre of dystopia using comparative analysis, to identify the similarities and differences between western and Russian dystopia.

Keywords: dystopias, device dystopian society, literary genres, time, space, world models, Russian literature, Western literature.

Анализ антиутопий, построенный на сравнении произведений разных стран интересен столкновением разных авторов, разных менталитетов, разных культур и традиций. Для работы были выбраны исключительно современные антиутопии, как западные, так и российские: «Дивергент» Вероники Рот, «Бегущий в лабиринте» Джеймса Дэшнера, «Голодные игры» Сьюзен Коллинз, «Метро 2033» и «Будущее» Дмитрия Глуховского. Проанализировав вышеуказанные произведения мы выделили их общие черты и сравнили с основными чертами антиутопии.

1. Устройство антиутопического общества

Антиутопия – это произведение о проблеме устройства общества, спровоцированное теми или иными отрицательными, а иногда и катастрофическими условиями. Все изученные книги

являются откровением об ужасающем устройстве общества. «Голодные игры»: детей посылают на смерть ради ТВ-шоу, в знак примирения дистриктов, люди Капитолия праздно существуют за счет голодающих дистриктов; «Дивергент»: общество это эксперимент, живущий за пределами основного мира, где под руководством государства сильные фракции истребляют слабые; «Бегущий в лабиринте»: над детьми ставят смертельные опыты под руководством государства и научного института; «Метро 2033»: люди живут в метро под землей, из-за атомной войны. Поверхность населена мутантами, при этом люди враждуют и между собой; «Будущее»: люди будущего бессмертны и они вживляют «вакцину смерти» тем, кто решил продолжить свой род, предотвращая перенаселение планеты.

2. Социальные слои антиутопического общества

В каждом из представленных обществ существует деление на классы, фракции, партии, касты и т. д., свидетельствующие о разобщенности общества в целом, взаимодействие между классами запрещено на уровне государства. «Голодные игры»: общество поделено на тринадцать дистриктов, двенадцать из которых эксплуатируются столицей. Взаимодействие дистриктов запрещено и незаконно. Каждый из районов, благодаря обособленности от иного мира имеет свои традиции и культуру; «Дивергент»: общество представляет собой пять фракций: «эрудиция», «искренность», «отречение», «дружелюбие» и «бесстрашие». Люди, подходящие под любую из фракций называются дивергентами. В данном обществе на них ведется охота; «Бегущий в лабиринте»: общество – «глейд», а люди в нем – «глейдеры». «Глейдеры» делятся на поваров, мясников, садоводов, «бегунов» и т. д.; «Метро 2033»: Общество делится на станции метрополитена. У каждой станции свои устои и обычаи. Есть сообщества фашистов, сталежков, коммунистов и т. д. Передвижение между станциями затруднено; «Будущее»: перед нами группировка бессмертных и тех, кто выбрал вместо бессмертия деторождение. Обе партии относятся друг к другу с презрением и отвращением.

3. Главный герой антиутопии

Главный герой в антиутопиях – это всегда сильная личность, идущая против канонов, это борец с устоявшейся системой правил или политическим строем. Обычно именно он спасает и пе-

реворачивает мир. Это герой-бунтарь. «Голодные игры»: Китнисс Эвердин – символ революции. Девочка-подросток, нарушает правила «Голодных игр», мотивирует людей пойти против правительства, объединяет дистрикты; «Дивергент»: Беатрис Прайор – дивергент, девочка – подросток, имеет силы всех фракций и идет против президента, объединяет фракции, разрушает государственный эксперимент; «Бегущий в лабиринте»: Томас, мальчик-подросток решается выйти за стену и нарушить государственный запрет, открывает дорогу к настоящему миру, выходит из лабиринта, идет против государства; «Метро 2033»: Артем выходит на поверхность, осознает, что мутанты на поверхности имеют право на жизнь, единственный вступает с ними в контакт и изначально открывает им путь в метро; «Будущее»: Ян Нахтигаль – бессмертный, сбегает из закрытой страны, борется с системой, нарушает закон о выборе и кодекс системы, заражает весь город смертью, «перезапускает историю».

4. Время в антиутопии

Время в каждом из анализируемых произведений переносит нас в будущее. При этом время всегда ретроспективно, мы знаем, что было до и после случившегося, знаем и те события, которые к этому привели. Так в романе «Будущее» перед нами Европа XXV века, в «Метро 2033»: события происходят в метрополитене в 2033 году, в «Дивергенте» перед нами футуристическое Чикаго будущего, после глобальной войны и т. д.

5. Пространство в антиутопии

Пространство в антиутопиях всегда ограничено. Личность выходит за пределы пространства своего мира, которое пересекать запрещено. «Голодные игры»: арена ограничена территориально. Героиня пытается найти из него выход. Пространство внутри дистриктов огорожено забором, но героиня пересекает его; «Дивергент»: мир отделен стеной, за которую выходит главная героиня. Существования мира фракций закрыто и огорожено от настоящего мира куполом; «Бегущий в лабиринте»: пространство ограничено стенами лабиринта, за которые выходит главный герой. Сам лабиринт отделен от внешнего мира; «Метро 2033»: мир ограничен линией метро и радиационным фоном на поверхности; «Будущее»: ограниченность интерната,

его закольцованность. Европа закрыта стеклянным куполом. Герой пересекает границы или стремится их пересечь.

6. Антигерой антиутопии

В любой антиутопии герою противопоставлен антигерой. Обычно это правитель или все государство, вступающее в борьбу с главным героем; «Голодные игры»: Кориолан Сноу – президент Панема, тиран и диктатор, главный антагонист Китнисс Эвердин; «Дивергент»: Джанин Мэттьюс – лидер фракции эрудитов, пытается получить власть путем обмана, вступает в борьбу с Беатрис Прайор; «Метро 2033»: «черные» монстры на поверхности как антигерои Артема; «Будущее»: Эрих Шрейер – лидер партии Бессмертия выступает главным антигероем по отношению к Яну Нахтигалю; «Бегущий в лабиринте»: государственная организация «П.О.Р.О.К.» как антигерой Томаса, вступает с ним в противоборство.

Вывод: в данной статье мы рассмотрели современные произведения в контексте взаимосвязей современных западных и российских антиутопий. Мы пришли к выводу о том, что все произведения имеют схожую структуру: это сюжет о будущем после апокалипсиса, где герой – сильная личность, борющаяся с системой, антигероем. Общество делится на фракции, пространство ограничено теми или иными способами, время направлено в будущее и всегда ретроспективно.

Говоря о сходствах российских и западных антиутопиях, нельзя не сказать и об их различиях. Главным отличием русской антиутопии от западной является отсутствие «хэппи-энда», отсутствие счастливого завершения сюжета, которое мы видим в западных антиутопиях. Все исследуемые нами российские антиутопии имеют трагический конец: в «Метро 2033» Артем убивает всех монстров на поверхности, едва успев осознать, что мог взаимодействовать с ними, в «Будущем» Ян сам становится смертным и заражает смертью все население, разрушая утопический мир Европы.

Литература

1. Глуховский Д. Метро 2033. – Эксмо, 2005. – 544 с.
2. Глуховский Д. Будущее. – АСТ, 2013. – 477 с.

3. *Дэшнер Д.* Бегущий в лабиринте / пер. с англ. Д. Евтушенко. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.
4. *Коллинз С.* Голодные игры. И вспыхнет пламя. Сойка-пересмешница: пер. с англ. – М.: АСТ, 2014. – 894 с.
5. *Рот В.* Дивергент: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – 416 с.

Красноперова Е. С. (Екатеринбург, УрГПУ)

Кодовые переключения в языковом сознании билингва

Аннотация. В статье рассматриваются кодовые переключения в речи билингва как результат взаимодействия в его сознании двух языковых систем. Рассматривается возможность экспериментального исследования процесса переключения кодов, в частности, перехода с грамматического кода одного языка на грамматический код другого. Отмечаются основные факторы, вызывающие переключение кодов: смена контекста общения, смена собеседника, смена темы (специфика темы), языковые лакуны в сознании билингва.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, коммуникативный подход, активный грамматический минимум, ассоциативная грамматика, билингвизм, кодовые переключения, языковое сознание, экспериментальные исследования.

Krasnoperova E. S. (Yekaterinburg, USPU)

Code switching in the linguistic consciousness of a bilingual

Abstract. This article considers code switching in bilingual speech as a result of interaction in his mind of two language systems. The possibility of an experimental study of the code switching process, in particular, the transition from the grammatical code of one language to the grammatical code of another, is considered. Pointing out the main factors causing switching codes: the changing context of communication, change the source, change of subject (specific subject), and lacunary units.

Keywords: Russian as a foreign language, communicative approach, active grammatical minimum, associative grammar, bilingualism, code switches, language consciousness, experimental studies.

Широкое распространение в современном российском обществе ситуации двуязычия, когда человек, владея родным языком,

приезжая в Россию, начинает изучать русский язык как неродной (далее РКН). Необходим поиск новых, антропоцентрических подходов к обучению языку, в фокусе внимания которых не язык как таковой, а язык, присвоенный личностью, используемый ею, реализующийся в речи. Антропоцентрический характер лингвистических исследований объясняет интерес к носителю языка (языков в случае билингвизма), который одновременно и воспринимает чужие нормы и установления, и создает прецеденты, влияющие на изменение норм языка.

Психолингвистика как наука, изучающая представление языка в сознании его носителя, стратегии вхождения в язык, его присвоения и успешного использования, предоставляет методике РКН возможные модели актуальной грамматики и способы ее преподавания. Перспективным представляется подход, при котором изучающие РКН рассматриваются как формирующиеся билингвы, присваивающие систему второго языка. Такой подход позволит увидеть новые аспекты в обучении РКН, работать с языковым сознанием в динамике, опираясь на достижения онтолингвистики и онтобилингвологии [Гаврилова 2013; Гридина 2018; Коновалова 2011; Чиршева 2000].

Функционирование и взаимодействие нескольких языков в когнитивной системе одного человека – широко исследуемое явление. Подтверждается положение, что разные языки в языковой системе билингва активно взаимодействуют между собой. Причем такое взаимодействие разворачивается на разных уровнях: лексическом, семантическом и синтаксическом, между достаточно близкими (типологически и генетически) и более далекими языками. Оба языка активируются, даже если используется только один из них.

Родной язык оказывает существенное влияние на использование второго языка. Однако второй язык также оказывает значимое влияние на использование первого, даже если он усвоен значительно позже, чем первый.

В целом работ, посвященных организации лексикона и семантических представлений билингвов, заметно больше чем исследований о связи между грамматиками разных языков. Рассматриваются вопросы общего или раздельного хранения грам-

матических знаний и их возможного взаимодействия в речи [Спиридонов, Эзрина 2015].

Исследования грамматикона «позднего билингва» (осваивающего второй язык после усвоения родного языка) как зоны взаимодействия двух грамматических систем, двух ассоциативных грамматик, позволят выявить стратегии овладения грамматикой второго языком, барьеры в ее изучении, способы преодоления возникающих трудностей, используемые обучающимися.

Основной вопрос состоит в том, как выявить взаимодействие двух грамматик в сознании, то есть процесс переключения кодов, переход с грамматического кода одного языка на грамматический код другого (в данной работе переключение, смена кода общения понимается как переход с использования грамматической системы одного языка на грамматическую систему другого языка).

Социолингвистику интересует взаимовлияния контактирующих языков, выяснения механизмов попеременного использования двух или нескольких языков в ходе одного коммуникативного акта. Онтобилингвология рассматривает возникновение и развитие способности детей, одновременно усваивающих два языка, общаться в трех типах коммуникации (двух одноязычных и двуязычном) как процесс. Формирование способности успешно участвовать в двуязычном типе коммуникации, осуществлять выбор языка в соответствии с экстралингвистическими факторами (компонентами коммуникативной ситуации), соединять в одном высказывании единицы двух языков, не нарушая при этом грамматические нормы ни одного из них, происходит в течение всего речевого развития ребенка [Чиршева 2000].

Переноса идеи онтобилингвологии на «взрослую» языковую личность, изучающую РКН, мы можем попытаться вербализовать «двуязычное» сознание используя модус «билингвальной» речи. В речи переключение кодов (языковые взаимодействия) может проявляться в виде: интерференций, заимствований – сознательного использования лексической единицы одного языка в высказывании на другом языке, пиджинизации – намеренном использовании иноязычной лексемы, адаптированной к фонетическим и грамматическим правилам родного языка.

Выявление кодовых переключений с точки зрения психолингвистики предполагает не столько фиксацию и исследование

речевого продукта, сколько постановку испытуемых в условия, которые провоцируют порождение грамматических кодовых переключений в билингвальной речи.

Основные факторы, вызывающие переключение кодов: смена контекста общения, смена собеседника, смена темы (специфика темы), языковые лакуны в сознании билингва. Проведение психолингвистических экспериментов с учетом факторов, провоцирующих переключение кодов, поможет выявить условия, облегчающие или усложняющие переход с одного языка на другой, механизмы этого перехода, стратегии используемые участниками билингвального общения. Коммуникативная ситуация и коммуникативная задача, могут быть заданы как вербально на одном из двух языков, так и в виде универсального предметного кода, что позволит носителю языка выбирать код общения самостоятельно. Полученные результаты могут найти свое применение в методике преподавания РКН.

Литература

1. *Гаврилова В. Г.* Марийско-русское переключение и смешение кодов // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2013. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mariysko-russkoe-pereklyuchenie-i-smeshenie-kodov> (дата обращения: 01.03.2018).
2. *Гридина Т. А.* Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург, 2018. – 272 с.
3. *Зимняя И. А.* Психология обучения неродному языку. – М.: Русский язык, 1989.
4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. *Коновалова Н. И.* Психолингвистические основы методики обучения русскому языку // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2011. – № 9. – С. 194-202.
6. *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
7. *Пассов Е. И.* Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М.: Рус. яз., 1989. – 276 с.

8. *Спирidonов В. Ф., Эзрина Э. В.* Психологические модели языковой системы билингва // Шаги/Steps. – 2015. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-modeli-yazykovoy-sistemy-bilingva> (дата обращения: 01.03.2018).

9. *Чиршева Г. Н.* Введение в онтобилингвологию: монография. – Череповец: ЧГУ, 2000. – 196 с.

10. *Чиршева Г. Н.* Основы онтобилингвологии: русско-английский материал: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 43 с.

11. *Щукин А. Н.* Методика преподавания русского языка как иностранного. – М.: Высш. шк., 2003. – 334 с.

Магонова А. В. (Екатеринбург, УрГПУ)

Лингвокультурный анализ мифологемы «Восток»

Аннотация. В статье проводится подробный лингвокультурный анализ мифологемы «Восток» согласно алгоритму, предложенному Н. И. Коноваловой. Рассматривается динамика значения реалии по данным словарей русского языка разных периодов. Культурная информация изучена с помощью данных этнолингвистического словаря «Славянские древности». Приведены результаты исследования семантики мифологемы на современном этапе развития языка. Для этого авторами использовался свободный ассоциативный эксперимент, который позволил выявить наиболее актуальные частотные доминанты в функционировании мифологемы.

Ключевые слова: мифологемы, сакральность, лингвокультурный анализ, лингвокультурология, русский язык, лексикография, этнолингвистика, этнолингвистические словари.

Magonova A. V. (Yekaterinburg, USPU)

Linguocultural analysis of myths «East»

Abstract. The article is a detailed linguo-cultural analysis of the mythologeme «east». The algorithm is proposed by N. I. Konovalova. Dynamics of meaning considered according to the data of Russian language dictionaries of different periods. Cultural information was studied using the data of the ethnolinguistic dictionary «Slavic Antiquities». The results of the study of the semantics of the mythologeme at the present stage of language development. A free associative experiment made it possible to reveal the most relevant frequency dominants in the functioning of mythologeme.

Keywords: myths, sacredness, linguocultural analysis, linguoculturology, Russian, lexicography, ethnolinguistics, ethnolinguistic dictionaries.

В настоящее время в языкознании наблюдается особый интерес к традиционной народной культуре. Мифологема – «операциональная единица анализа культурно-национальной картины мира» [Коновалова 2013: 210]. В опоре на модель лингвокультурного анализа мифологема, предложенной Н. И. Коноваловой [Коновалова 2013: 211], нами была рассмотрена мифологема «восток». Данную мифологему продуктивно рассматривать в дихотомии «восток-запад».

Семантическую структуру «имени» мифологема мы проследили по словарям русского языка. В ненормативных словарях, таких как Словарь русского языка XI-XVII вв. [Бархударов 1975: 60-61], Словарь русского языка XVIII века [Сорокин 1988: 96], Толковый словарь В. И. Даля [Электронный ресурс], Словарь русских народных говоров [Филин 1970: 147] есть сакральные смыслы, которые претерпевают изменения. В нормативных словарях (Малый академический словарь [Электронный ресурс], Толковый словарь Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]) сакральный компонент отсутствует, они создавались в эпоху, когда религия полностью нивелировалась.

Так в словаре русского языка XI-XVII вв. «восток» трактуется как «1. Появление над горизонтом, восход (небесных светил). 2. Часть горизонта, где восходит солнце, восток. Как символическое наименование Иисуса Христа, христианской религии. 3. Страны, расположенные в восточном направлении. ◇ Востокъ зимний, лѣтний – место восхода солнца зимой, летом (юго-восток, северо-восток). Востокъ середний – часть небосвода между востоком зимним и летним» [Бархударов 1975: 60-61]. В иллюстративном материале каждой семы есть сакральный компонент. К первому варианту значения приводится поверье, смысл которого заключается в том, что звездный восток помогает спасти согрешивших. Ко второму варианту значения приводится следующая иллюстрация: Тотъ же зимы бысть знамени на небеси: три солнца на востоцѣ, а четвертое на запади. Ник. лет. X, 36. Проиллюстрировать третий вариант значения помогли отсылки к священному писанию: Гепсимания же есть отъ Иерусалима межѣ востока лицѣ лѣтнимъ и зимнымъ. Бысть знамение на небеси: с востока среднего между зимнего и лѣтнего лучи огняныя, преже мало, по том велико разошлось. То есть

можно сказать, что в период с XI по XVII вв. мифологема «восток» воспринималась как место, от которого необходимо ждать положительных предзнаменований и предсказаний.

В словаре русского языка XVIII века «восток» понимается как «1. Геогр. Одна из четырех сторон света, противоп. западу || Направление или местность, расположенная противоположно западу. 2. (также с прописной буквы). Страны Азии, северо-восточной Африки и юго-восточной Европы. 3. Восход (солнца, светил)» [Сорокин 1988: 96]. В данном словаре сакрально нагруженными можно назвать первый и третий компоненты, т.к. в иллюстративном материале второй семы приведены названия стран, географически находящихся на востоке. В первой же семе полностью понять значение слова помогает приведенная примета: Когда в Ётер сд Ёлается с востоку, то будет ясная и сухая погода. Третий компонент значения проиллюстрирован священным фактом: Вавилоняне между двома солнца востоками, все то время днем ц Ёлым нарицали. В целом, можно так же констатировать, что со стороны востока люди ожидали чего-то положительного, а местонахождение вавилонян на востоке между двумя «солнцами» являет собой квинтэссенцию света, который называли «днем».

В словаре В. И. Даля «восток» толкуется через к отсылку к лексеме «востекать или встекать, востечь», которая толкуется как «течь кверху, изливаться наверх: || взлетать, взбегать, восходить, возноситься, подыматься. Востечение ср. действ. и состояние по глаг., восход. || место востечения, а потому и та страна, где восходит солнце, восход, утро, морск. ост, || страны, лежащие по сему направлению от Европы: Азия; Турция, Персия, Индия. Восточный, относящийся до востока, ему свойственный. || Восточник церк. обигатель востока. Всточный, востекающий, подымающийся кверху, иногда вм. востоке, являются священными, это объясняется «<устойчивостью> традиционной сакральной отмеченности восточной стороны» [Коновалова 2013: 130]. Также приведенные приметы показывают, что именно с восточной стороны приходят позитивные предвестия.

В словаре русских народных говоров «восток» представляется как «восточный вечер» [Филин 1970: 147]. В словарной статье отсутствуют элементы с сакральным содержанием.

Полностью отсутствует сакральный компонент во всех словарях, выпущенных в советское время, это объясняется особенностями эпохи. В малом академическом словаре [Электронный ресурс] про «восток» говорится следующее: «1. Одна из четырех стран света, противоположная западу; часть горизонта, где восходит солнце. 2. (с прописной буквы). Страны, расположенные в этом направлении и противопоставляемые Западной Европе и Америке». В толковом словаре Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс] представлена следующая словарная статья: «1. Одна из четырех главных стран света, противоп. западу; часть горизонта, где всходит солнце. 2. (В прописное). Страны Азии, северо-восточной Африки и юго-восточной Европы, противопоставляемые странам с западноевропейской культурой». Как мы видим, политическая ситуация в стране продиктовала отношение к «востоку» только с географической и геополитической точки зрения.

Сюжеты-источники выделены по данным этнолингвистического словаря «Славянские древности» [СД 1995: 445-447]. Восток-запад – страны света, связанные с суточным появлением и исчезновением солнца и сменой дня и ночи. В. и З. входят в ряд других оппозиций типа верх-низ. Соотношение ‘хороший – плохой’ определяет смысловую символику востока – святость, праведность, справедливость, благополучие и изобилие, жизнённость, изначальность и запада – нечистота, неправедность, бедствие, смертность, завершенность.

1. Восток – жилище Бога (молитвы), Запад – сатаны.

2. Плодородие: гром на востоке предвещает «ядреные и густые хлеба». Землю пахали по часовой стрелке, иначе не будет хорошего урожая.

3. Принадлежит мужскому началу. По варице гадали о смерти членов семьи: если в каше появилась ямочка в середине – это к смерти хозяина, если с восточной стороны – кого-либо из мужчин, если с западной – кого-либо из женщин. На сельских кладбищах могила мужа располагается на востоке от могилы жены.

4. Движение с востока на запад считалось правильным, наоборот – неправильным. Восток символизировал начало, запад – конец.

С мифологемой связано мало фразеологизмов и устойчивых сочетаний. Например, «ВОСТОК. ♦ К востоку, на восток (от че-

го-л.) лежать, находиться и т. п. – Между тем Пугачев послал Хлопушу с пятьюстами человек и шестью пушками взять крепости Ильинскую и Верхне-Озерную к востоку от Оренбурга. Пушкин. – В нескольких километрах к востоку есть развалины старого Мерва. Вот это действительно старина. Трифонов» [Электронный ресурс]. В Большом толково-фразеологическом словаре М. И. Михельсона приведена следующая статья: «(иноск.) – Азия и юго-восток Европы. Ср. Политика наша действовала в Азии, чтобы утвердить власть России над Востоком» [Электронный ресурс]. То есть идиоматика, в основном представлена направлением с востока, к востоку и т. п., географическими объектами.

Чтобы проследить изменение в восприятии мифологема «восток», нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в основу которого была положена гипотеза: в ассоциациях современных носителей языка должна проявиться дихотомия «восток-запад» в разных аспектах оппозитивных понятий, в том числе – связанные с различными конфессиями и странами.

В эксперименте приняли участие студенты УрГПУ разных направлений подготовки в возрасте от 18 до 27 лет. Общее число респондентов: 87. Испытуемых просили написать первое пришедшее в голову слово на стимул «восток».

Результаты мы представили в виде словарной статьи:

ВОСТОК: запад (13); Китай (7); солнце (7); дело тонкое (5); Алладин (4); «Арабская ночь» (3); Дальний (3); пустыня (3); ракета (3); специи (3); Япония (3); дракон (2); компас (2); паранджа (2); сакура (2); султан (2); танцы (2); Абу; Азия на карте мира; антисанитария; арабские страны; арабы; асфальт; богатство; борода; влага; восточная внешность; восточные страны; восточный; все запад, я восток; гейша; география; героин; гранд базар; грузин; грязь; далеко; девушки в хиджабах; девушки закрытые в одеяние; деревья; закат; запад, запад, я восток; здания с круглой крышей; зелень; Индия; исламизм; караван; карта; китайские драконы; Коран; Корея; «Кровосток»; культура; кухня; магазин; мехенди; мечети; мифологема; мозаика; мусульмане; направление; насекомые; огонь; океан; опиум; патриархат; пахлава; песня «Восточные сказки»; песок; платок; покой; принцесса; «Рахат-лукум»; религия; рынок; сари; север; Стамбул; сторона; сто-

рона света; страна восходящего солнца; странные люди; танец живота; тепло; терроризм; тонкая шаль; трава; традиции; угнетение; узоры; философия; хиджаб; цитадель; чай; чайки; черно-волосые девушки в парандже; шах; 40+99+0+82.

Ядерной оказалась предсказанная в гипотезе реакция «запад», с индексом 13, которая выводит противопоставление «восток-запад» на первый план в сознании современных студентов. В зону ближней периферии попали реакции: «Китай» (7), «солнце» (7), «дело тонкое» (5). Они отражают общую ориентированность нашей страны в сторону восточных реалий: в последнее время Российская Федерация плотно взаимодействует с КНР, многие российские жители интересуются культурой и языком «страны восходящего солнца» (именно эта ассоциация есть в единичных) - Японией (данная ассоциация – в зоне дальней периферии). Цитата из фильма «Белое солнце пустыни» в краткой форме описывает специфику стран, находящихся на востоке, их особенной культуры и древних традициях (в зоне крайней периферии таких ассоциаций довольно много: гранд базар, девушки в хиджабах, «Рахат-лукум», танец живота, традиции и т. д.). Дихотомию «восток-запад» можно назвать первой ассоциативной доминантой, сюда вошли такие реакции как: запад; солнце; восточный; все запад, я восток; закат; запад, запад, я восток; культура; мифологема; север; сторона; странные люди. Здесь есть и непосредственно слово «запад», соотносимое с чем-то чуждым, о чем свидетельствуют цитаты из современных песен. Также обнаруживаются культурные коннотации, например «снимающий порчу выбирает сакральное место (например, чистое поле с подвосточной стороны)» [Коновалова 2013: 125].

Среди ассоциативных доминант определяющей можно назвать такую группу, как «стереотипы о жизни на арабском востоке»: богатство, борода, восточная внешность, гранд базар, девушки в хиджабах, девушки закрытые в одеяние, караван, мехенди, патриархат, пахлава, песок, платок, принцесса, пустыня, «Рахат-лукум», рынок, танец живота, тепло, тонкая шаль, традиции, хиджаб, черноволосые девушки в парандже, шах. Такой набор характеризует наиболее известные маркеры жизни в арабских странах для носителей современного русского языка. Для русского человека эта жизнь связана с достатком, который под-

крепляется патриархальными установками, где женщины открыты только для своих мужей, при этом восточные страны достаточно жаркие, и люди вынуждены носить легкую одежду.

В качестве отдельной доминанты выделяются «детали арабских стран»: паранджа, специи, султан, мозаика, танцы, узоры – это то, что русский человек готов увидеть в первую очередь, посетив любую арабскую страну. Это те минимальные единицы, которые привлекают внимание любого человека. Их повышенную значимость подчеркивает их место в ассоциативном поле: они находятся ближе к ядру, чем доминанты, связанные со стереотипизацией, все они имеют индекс, равный единице.

Следующая доминанта связана с вероисповеданием: Коран, мечети, мусульмане, религия. Она показательна в плане того, что религиозные традиции в данных странах являются определяющими быт, жизнь, работу и т. п.

Однако «более четко специфика ценностных межэтнических конфликтов проявляется в противоречиях, связанных с различиями в культуре, языке, религии и других социокультурных особенностях этносов» [Рагимова 2010: 94]. Это послужило основанием для выделения ассоциативной доминанты «факторы религиозных конфликтов». Сюда вошли такие реакции как: героин, исламизм, ракета, терроризм, угнетение. Все эти лексемы указывают на агрессивные настроения в странах Ближнего Востока, которые в последнее время стали наиболее острыми.

Связана с предыдущей доминантой «общая экологическая обстановка»: антисанитария, влага, грязь, насекомые – все это свидетельство неблагоприятных условий для жизни, которые, отчасти, могут служить дополнительной причиной для разжигания конфликтов.

Другим направлением в ассоциациях стала «географическая карта Востока»: Китай, Япония, Азия на карте мира, арабские страны, восточные страны, география, Индия, карта, Корея, Стамбул, сторона света, страна восходящего солнца. Здесь перечислены страны, города, которые непосредственно находятся на востоке, которые актуальны для современных носителей языка в силу особого интереса к другим культурам, который можно наблюдать в кругах современной молодежи. Более подробно описать представления современных носителей русского языка

о выделенных странах можно через доминанту «детали»: дракон, сакура, гейша, здания с круглой крышей, зелень, деревья, китайские драконы, кухня, магазин, огонь, покой, сари, трава, философия, цитадель, чай, чайки. Такие индикаторы свидетельствуют об общей осведомленности респондентов о традициях в странах востока. Вряд ли можно говорить о глубинных познаниях в философии, но общие линии можно наметить: в обыденном сознании присутствует образ жизни в данных странах как умиротворенный, люди трепетно относятся к природе и чтят древние традиции, например, традиционное китайское чаепитие. «Если даосизм сообщал китайскому менталитету стремление к долговечности, то синтоизм вкупе с буддизмом воспитали в японцах любовь к кратковременному. Не случайно символ японской нации – сакура, сорт вишни, цветы которой облетают прежде, чем увянуть. С сакурой сравнивали самураев, считавшихся лучшими из людей» [Курмилев 2006: 64].

Отдельно мы выделили «народы», которые респонденты привели в качестве восточных – это арабы и грузины. Эти ассоциации позволяют разделить Восток на Ближний и Дальний и предположить, что в сознании может присутствовать определенное разделение данной части света на «положительную» и «отрицательную». С этим связан и набор ассоциаций, показывающий «отдаленность»: Дальний, далеко, направление, океан.

Особый интерес всегда представляют прецедентные ассоциации: Алладин, «Арабская ночь», Абу, песня «Восточные сказки», дело тонкое. Все они указывают на поверхностное понимание мифологемы. Первые три ассоциации – детали из мультсериала «Приключения Алладина» (1994-1995), а четвертая – песня 2005-го года группы «Блестящие». Все они семантически сакрально не нагружены и свидетельствуют о профанации значимости мифологемы. Это могут подтвердить и личностные ассоциации, которые к древним корням реалии отношение имеют весьма посредственное: асфальт, «Кривосток», опиум.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что с течением времени степень сакрализации мифологемы «восток» менялась. Если в XI-XVIII вв. «восток» почти полностью соотносился с приметами, поверьями и предсказаниями, т. к. «сакральное, в различных своих проявлениях, занимает очень важное

место в культуре и повседневной жизни народа, во многом определяя его сознание и образ жизни» [Колпакова 2016: 104-105], то в XX веке в связи с политической ситуацией в стране «восток» воспринимался только в геополитическом ключе: стороны света и страны, находящиеся на востоке. В сознании современных носителей языка помимо этого есть представления о национально-этнических особенностях стран востока, ядерная ассоциация «запад» подчеркивает оппозицию «восток-запад», которая становится все более четкой на современной политической арене, отсутствуют какие-либо реликты примет, связанных с восточной стороной, прослеживается связь востока с попкультурой. Отсюда следует, что сакральный глубинный смысл мифологемы профанизируется в сознании современных носителей русского языка, на первый план выдвигаются поверхностные представления о культуре стран Ближнего и Дальнего Востока, стереотипы о людях, которые там проживают.

Литература

1. Колпакова А. А. Анализ вербальных и невербальных представлений о сакральном // *Linguistica Juvenis*. – 2016. – № 18. – С. 98-105.
2. Коновалова Н. И. Мифологема как свернутый сакральный текст // *Политическая лингвистика*. – 2013. – № 4. – С. 209-215.
3. Коновалова Н. И. Сuggestивность сакрального текста традиционной народной культуры // *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*. – 2013. – № 11. – С. 122-134.
4. Курмилев П. В. Трагические мотивы в китайской и японской традиционной культуре // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. – 2006. – Т. 1. – № 18. – С. 63-66.
5. Рагимова А. Религиозный фактор в межэтнических конфликтах // *Сборники конференций НИЦ Социосфера*. – 2010. – № 4. – С. 91-97.
6. *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь / под редакцией Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995. – Том 1 (А-Г).

7. *Словарь русских народных говоров*. Выпуск пятый (Военство – Выростковый) / гл. ред. Ф. П. Филин. – Ленинград: Издательство «Наука» ленинградское отделение, 1970.

8. *Словарь русского языка XI-XVII вв*. Выпуск 2 (В – ВОЛОГА) / гл. ред. С. Г. Бархударов. – М.: Издательство «Наука», 1975.

9. *Словарь русского языка XVIII века*. Выпуск 4 (Воздух – Выпись) / гл. ред. Ю. С. Сорокин. – Ленинград: Издательство «Наука» ленинградское отделение, 1988.

10. Михельсон.– URL: <http://enc-dic.com/michelson/Vostok-1469.html>.

11. Словарь Ушакова. – URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=6742>.

12. Словари. – URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ-term-9148.htm>.

13. Фразеология. – URL: <http://www.frazeologiya.ru/fraza/vostok.htm>.

14. Словари. – URL: <https://gufo.me/dict/dal>.

Нурисламова С. И. (Екатеринбург, УрГПУ)

*Изучение односоставных предложений в школе:
дидактический материал*

Аннотация. В статье идет речь об односоставных предложениях, которые рассматриваются на трех уровнях: семантическом, структурном и функциональном. Задания, представленные в статье, нацеливают обучающихся на понимание сути языкового явления, на понимание структурной организации предложений данного вида и на умение употреблять односоставные предложения в текстах разных стилей с учетом их функционирования.

При составлении заданий учитывалась ведущая модальность восприятия и межполушарная асимметрия головного мозга, поэтому задания имеют психолингвистическую направленность.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка, русский язык, методика русского языка в школе, школьники, дидактические материалы, односоставные предложения.

Nurislamova S. I. (Yekaterinburg, USPU)

The study of one of the proposals in school: didactic material

Abstract. This article deals with one-component sentences, which are considered at three levels: semantic, structural and functional. The tasks presented in the article are aimed at understanding the essence of the language phenomenon, understanding the structural organization of sentences of this type and the ability to use one-part sentences in texts of different styles, taking into account their functioning. In the preparation of tasks taken into account the leading modality of perception and hemispheric asymmetry of the brain, so the job have a psycholinguistic orientation.

Keywords: Russian language teaching methods, Russian language, Russian language method at school, schoolchildren, didactic materials, single-part sentences.

Представление проблемных вопросов темы «Односоставные предложения» в школе не теряет своей актуальности на протяжении длительного времени [Бабайцева 1973; Валгина 2000; Гоголина 2007; Литневская 2006; Малюшкин 2012 и др.].

Знакомство с темой учащиеся начинают ещё в 5 классе, когда формируется общее понятие о предложении. В 8 классе эта тема представлена гораздо шире: дается понятие о видах односоставных предложений, о полных и неполных предложениях. В 9 классе знания об односоставных предложениях актуализируются при изучении темы «Сложное предложение», а также и при подготовке к ОГЭ по русскому языку (задания 8,11).

Изучение односоставных предложений в 8 классе направлено на распознавание и уместное употребление всех видов односоставных предложений в устной и письменной речи.

На первом уроке целесообразно уделить внимание сопоставлению двусоставных и односоставных предложений. Например, можно использовать следующий текст.

Задание: прочитайте текст. Определите, на какие две группы можно поделить все предложения? Почему? Свой ответ обоснуйте.

Вспоминаю один из дней моего детства...

Сахалин. Тихое раннее утро. Вдруг резкие порывы ветра нарушили сонную тишину. С бешеным ревом обрушилась на юг острова могучая масса воды и ветра. Было ясно, что это тайфун.

В городском сквере пообломало тополя. Где-то вырвало из земли два телеграфных столба. В одно мгновение разметало забор у соседского дома. Покорежило телевизионную антенну. Стоявший на рейде сухогруз сорвало с якоря и бросило на мель.

В эти минуты было страшно. Но пример моих родителей, не поддававшихся панике, помог мне перебороть этот страх.

Об этом стихийном бедствии писали во многих центральных газетах.

В результате учащиеся должны прийти к выводу, что в односоставных предложениях грамматическая основа состоит только из одного главного члена (подлежащего или сказуемого) и второй главный член не нужен для понимания смысла предложения.

В ходе работы учащимся необходимо уяснить, что односоставные и двусоставные предложения могут быть синонимич-

ными. Это можно продемонстрировать на примере следующего упражнения: **замените двусоставные предложения односоставными по образцу:**

Снег занёс все дороги. – Снегом занесло все дороги.

1) *Дождь освежил зелень.* 2) *Ветер сломал сук на дереве.*
3) *Град попортил всходы.* 4) *Тонкий ледок подёрнул лужи.* 5) *Огонь в ту же минуту охватил всю кровлю. (Дождем освежило зелень. Ветром сломало сук на дереве. Градом попортило всходы. Тонким льдом подернуло лужи. Огнем в ту же минуту охватило всю кровлю).*

В школе изучается четыре типа односоставных предложений: назывные, определенно-личные, неопределенно личные, обобщенно-личные, безличные. Целесообразно вначале дать общее представление о всех типах односоставных предложений в виде таблицы, а после изучать каждый вид в отдельности.

При изучении неопределенно-личных предложений можно использовать следующие задания проблемного характера: **прочитайте предложения и подумайте, какие из них можно преобразовать в неопределенно-личные? Запишите их в преобразованном виде. Почему это возможно? Почему другие предложения не допускают такого преобразования?**

1) *Мы с подругой отправились на экскурсию в музей.*

2) *Знакомые пригласили нас в зоопарк.*

3) *Ты не забудь сдать книгу в библиотеку.*

4) *На перекрестке рабочие установили светофор.*

5) *Они наслаждались отдыхом на берегу моря.*

Большой интерес вызывают у учащихся и творческие задания. Их можно использовать при изучении всех разделов школьного курса. Этот вид работы, несовместимый с механической работой, дает возможность овладеть разнообразными языковыми средствами и закрепить навыки правописания. В процессе написания учащийся решает сразу несколько задач: учится понимать стилистическую функцию грамматической формы в тексте (например, при замене лица, времени и наклонения глагола), обращает внимание на оттенки значений лексических и грамматических синонимов.

Рассмотрим следующие задания:

- 1. Определите, в чем особенность данных стихотворений. Найдите односоставные предложения и определите их роль в тексте.**

1) *Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.*

(А. Фет)

2) *Умом Россию не понять.
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.*

(Ф. Тютчев)

3) *Предчувствую Тебя. Года проходят мимо –
Всё в облике одном предчувствую Тебя.
Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,
И молча жду, - тоскуя и любя.*

(А. Блок)

2. Попробуйте сочинить стихотворение, используя преимущественно односоставные предложения.

3. При помощи согласованных и несогласованных определений распространите назывные предложения.

Вечер. Снегопад. Темнота. Соревнования. Победа.

4. Напишите сочинение-миниатюру, взяв за основу полученные словосочетания.

Большое внимание при проведении современного урока в контексте ФГОС уделяется формированию – универсальных учебных действий (УУД). Особую группу общеучебных УУД составляют знаково-символические действия, к которым можно отнести работу с алгоритмом.

При изучении односоставных предложений можно использовать следующие виды заданий, основанных на построении алгоритмов.

1. Перед вами разобранный алгоритм. Восстановите последовательность выполнения действий.

б. Выдели грамматическую основу предложения .

3. Предложение двусоставное или односоставное.

1. Если есть только подлежащее, то предложение назывное.
5. Если есть только сказуемое, то посмотри, можно ли подставить местоимения 1-2 л. ед и мн.ч?

2. Если есть только сказуемое, то посмотри, можно ли подставить местоимение 3 л.мн.ч?

4. Если есть только сказуемое, то посмотри, требует ли оно при себе подлежащее?

2. Используя теоретический материал, составьте алгоритм определения вида односоставного предложения.

3. Исправьте ошибки в алгоритме, подберите примеры к предложенному алгоритму, восполните недостающее звено и пр.

На уроках закрепления и повторения можно использовать задания типа «Третье лишнее».

Определите, какое предложение будет лишним в каждом ряду, свой ответ обоснуйте.

1. Вот мой дом. Холодное зимнее утро. Любуюсь видом из окна.

2. Пахнет смолой. Мне грустно. Невысокий деревянный забор.

3. В дверь постучали. Мне не спалось. Смеркалось.

Представленный нами дидактический материал позволит учащимся с различными модальностями восприятия (аудиалам, визуалам и кинестетам) включиться в работу по изучению сложной в методическом отношении темы «Односоставные предложения», приобрести знания по данной теме и систематизировать их в удобной для себя форме.

Литература

1. *Бабайцева В. В.* Изучение односоставных предложений в 8 классе // Русский язык в школе. – 1973. – № 5.

2. *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка. – М., 2000. – URL: <http://www.hi-edu.ru/ebooks/xbook089/01/title.htm>.

3. *Гоголина Т. В., Пипко Е. И.* Трудные вопросы изучения односоставных предложений в школе // Филологический класс. 2007. – № 17. – С. 19-21.

4. *Литневская Е. И.* Русский язык: Краткий теоретический курс для школьников. – М., 2006. – URL: <http://gramota.ru/book/litnevskaya.php?part5.htm>.

5. *Малюшкин А. Б.* Комплексный анализ текста: рабочая тетрадь 8 класс. – М., 2012.

УДК 821.161.1-3(Эренбург И. Г.)

Потапенко К. М. (Екатеринбург, УрГПУ)

*Стилевые особенности книги И. Г. Эренбурга
«Война» (1941-1945)*

Аннотация. Исследование посвящено стилистическим особенностям сборника публицистики Эренбурга «Война» (1941–1945). На примере литературно-художественных произведений «Русский Антей» и «Одно сердце» показано, как в книге проявляются черты ораторского жанра панегирика. В ходе анализа этих произведений особое внимание уделяется субъектной, пространственно-временной организации, ассоциативному фону, интонационно-речевой организации. Анализ этих элементов позволит определить, какой образ мира создается в анализируемых произведениях Эренбурга.

Ключевые слова: военная публицистика, стилистические особенности, русская литература, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры.

Potapenko K. M. (Yekaterinburg, USPU)

*Stylistic features in digest of publicism of
I.G. Ehrenburg «War» (1941-1945)*

Abstract. The article is devoted to the style features of the collection of journalism Ehrenburg «War» (1941–1945). On the example of works «Russian Antey» and «One heart» shows how the book presents features of the genre panegyric. During the analysis of these works, special attention is paid to the subject, spatial and temporal organization, associative background, intonation and speech organization. The analysis of these elements will determine what image of the world is created in the analyzed works of Ehrenburg.

Keywords: military journalism, style features, Russian literature, Russian writers, literary works, literary genres.

В книге И. Эренбурга «Война. 1941–1945» ярко проступают черты панегирика, который выступал как основа в древнеримской гражданской лирике. В нем фразы построены риторически. Под панегириком понимается всякое восхваление, торжественное слово, затрагивающее вопросы государственной важности, содержащее похвалу какому-либо лицу или событию. В XIX в. панегирик как жанр исчезает, но его черты можно обнаружить в некоторых литературных произведениях. В этой статье мы рассмотрим, как черты панегирика проявляются в книге Эренбурга, какие элементы панегирика образуют стиль ряда произведений книги. Для этого проведем анализ художественно-публицистических произведений «Русский Антей» и «Одно сердце».

В ходе анализа обратим внимание на субъектную, пространственно-временную организацию, ассоциативный фон, интонационно-речевую организацию. Проведя анализ этих элементов, мы определим, какой образ мира создается в анализируемых произведениях Эренбурга.

В произведениях «Русский Антей» и «Одно сердце» восхваляется русский народ и его вековые ценности. Их идея заключается в изображении «русского сердца», в изображении единства и стойкости народа. Пафос состоит в выражении нравственного, духовного превосходства русского народа перед фашистами, в восхвалении единства и согласия народов Советского Союза. Главной темой и объектом изображения является народ.

Как и в панегирике интонация в представленных произведениях возвышенная. В статье «Одно сердце» автор обращается к фактам. Они, следуя один за другим, складываются в систему. Так «Одно сердце» начинается с критики противника: «Когда Гитлер решил покорить Европу, он рассчитывал не только на немецкие танки, он рассчитывал и на немецкую ложь. Немцы натравливали один народ на другой». Это напоминает принцип, который автор использует в памфлетах: жесткое обличение через критику и многочисленные факты. Если памфлет строится на усилении этого обличения, то в этом произведении мы видим движение фактов, риторическую структуру, которая в конце усиливается. Акцент делается образы и риторике. После критики появляется образ народа и родины: «Стойко дерутся на Западном фронте четыре бойца, четыре закадычных друга: узбек Учманов,

казах Карагуйдинов, татарин Беспалов и коренной москвич Беляев. Разное у них было детство. <...> Радисты сержант Рувим Спринцон, бойцы Михаил Тютев, Сергей Бубнов, Владимир Люкайтис проникли во вражеский окоп. <...> У нас много народов и у нас один народ. <...> У родины нашей много сыновей, но мать у нас одна». Интересен образ четырех солдат. Он становится образом-символом. Солдаты символизируют четыре стороны света: Татарстан – север, Узбекистан – юг, Казахстан – восток, Москва – запад. Четыре стороны складываются в единый образ России, что подчеркивает ее широкий территориальный охват. Хронотоп устремлен вширь. Через единичное передается нечто общее. Народ един в своем многообразии: «У нас много народов и у нас один народ», – пишет Эренбург. Здесь же актуализируется важная в годы войны тема матери. Мать как синоним родины. Народы – ее сыновья и защитники: «У родины нашей много сыновей, но мать у нас одна. Не бывает у человека двух матерей. Одна мать у всех наших народов – у русского и у белорусов, у украинцев и у казахов – родина. Не дадим мы нашу мать в обиду».

Голос автора-повествователя усиливается. Он говорит языком русского солдата, использует разговорную форму, иллюстрирует русскую поговорку. В финале мы видим: «Хитер немец, но не на дураков напал. Он не взял нас танками, не возьмет и немецкими “фиглями”. Есть поговорка: “Один горюет, мир воюет”. Мы вместе горюем и вместе воюем, вместе радуемся тому, что родная земля очищается от врага». И в конце статьи утверждается образ одного сердца: «У нас много народов, много разных языков, но у нас одно сердце». Самые священные образы фигурируют в статье, соединяются в одно целое, нечто сильное и жизнеутверждающее.

В построении произведения «Русский Антей» интонации возвеличивания сопутствует прием антитезы: автор все время противопоставляет русских бойцов немецким солдатам, показывая и восхваляя моральное и физическое превосходство первых. Антитеза состоит и в противопоставлении целостности и единения народов Советского Союза разобщенности и жестокости немецких захватчиков. Если образ народа возвышен, то образы противников приземлены. Образы противников даны в ироническом ключе, что снова напоминает черты памфлета: «Немцы озадачены мужеством защитников Сталинграда. Они философствуют:

“Почему русские не капитулируют?” <...> Немцы из “Биржевой газеты” удивляются: почему русские сражаются “в безвыходном положении?”» Но далее риторическая структура усиливается, факты – описание подвигов конкретных бойцов – перерастают в обобщение. Здесь описаны подвиги сержанта Ивана Бобрика, радиста Рувима Спринсона и трех его товарищей, летчика Бориса Голубева. Затем обобщение: «Это – будни боя, это то, о чем не пишут в сводках, это повседневное мужество наших бойцов. <...> Там люди. И люди сражаются: это – русские люди». Усиление риторики происходит и за счет средств выразительности. Звукопись: «Это будни боя». Повторяющийся звук «б» передает ударный ритм, будто маршевый шаг, уверенный и сильный, победный шаг солдата. Агрессивный «р» слышится во фразе: «Окруженные врагами, направляли огонь нашей артиллерии». Будто передает звуки артиллерии. Встретим и риторические вопросы: «Почему к этим развалинам не подходят бравые фрицы? Почему не развевается паучий флаг над Сталинградом?» Повторяющиеся в одном абзаце паузы, создаются за счет тире внутри предложений: «Это – будни боя», «Но там – не только камни, там люди», «Это – русские люди», «Все они – это жизнь России». Так фразы обретают особый ритм, который создается за счет звукописи, пауз, риторических вопросов. Это ритмическая структура, характерная для риторики панегирика. Так же здесь акцентируются метафоры: «Любовь к родине разлилась, как река в половодье, затопила все. Уже нет отдельной судьбы человека. Есть только судьба родины». Метафора реки, как символа движения и стрелы мирового пути, перерастает в тему судьбы, единой для всех: судьба человека тесно сплетается с судьбой родины.

Авторская позиция в данных панегириках выражается в том, что Эренбург верит в народ, любит и уважает своих соотечественников, своими словами вселяет народу веру в победу. Он прославляет русский народ, используя образы античности – образы мировой культуры. В названии панегирика «Русский Антей» фигурирует имя античного героя: «Антей – великан, сын Посейдона и богини земли Геи <...>, прикасаясь к земле, обретал новые силы и всегда побеждал своих противников». Так и русского бойца характеризуют его смелость, сила, стойкость и связь с родной землей. В ассоциативном поле возникает образ русского бы-

линного богатыря Ильи Муромца. В одной из былин он, будучи под навалившимся на него врагом, набирается, как Антей, силы от земли («лежучи у него силы прибыло») и сбрасывает с себя врага [Астахова 1958: 393]. Русским Антеем Эренбург называет не одного солдата или командира, а всех бойцов, жизнь каждого из которых связана с сотнями «дружеских жизней», с жизнью соотечественников, и в совокупности эти жизни составляют «жизнь России». Таким образом, с помощью образа Антея автор проводит мысль о мужестве и стойкости русского народа, о связи людей с родной землей, на защиту которой они встали.

В «Одном сердце» поэтизируется образ народа. Для этого автор обращается к образу сердца. В мифологии оно олицетворяет центр существа, центральную мудрость, смелость, и в целом жизнь. Наблюдается тяготение автора к эпическому стилю. Как писал А. Ф. Лосев: «Эпический стиль есть такой художественный стиль, который рисует нам жизнь того или иного человеческого коллектива, подчиняющей себе своими закономерностями решительно всякую личную жизнь ...» [Лосев: электронный ресурс]. Тяготение автора к эпическому стилю в данном случае всецело раскрывает его позицию: гордость за народ, вера в него, безмерная любовь к нему, понимание и выражение всех его чувств и переживаний. Специфика эпического стиля «есть примат общего над индивидуальным» [Лосев: электронный ресурс]. В произведении «Одно сердце» эпический стиль проявляется тогда, когда автор описывает действия и подвиги отдельных солдат. Здесь тема одного сердца расширяется: описания подвигов отдельных солдат, соединяясь в одно целое, показывают «будни боя», «повсеместное мужество бойцов». Подобным приемом автор тоже дает картину мужества и борьбы. Фразы обладают особым ритмом: четкий, ровный, размеренный. Это создается за счет пауз в середине предложения и перечисления, анафоры: «Для немцев наши поля – пространство. Для нас они – родина. Для немцев наши богатства – трофеи. Для нас они – наш пот, наша кровь, наша история. Для немцев русские женщины – рабыни. Для нас они – наши жены, наша любовь, наша жизнь».

Для изображения широкого пространства страны, автор изображает карту Советского Союза, которая дает широкую панораму, где изображаются не только географические объекты, но и

образ народа: «...четыре буквы: первое “С” – на Хребте Карпат, а “Р” – у Тихого океана». Создается образ географической карты Советского Союза. Это не просто карта и не просто буквы: в этот образ вкладывается мироощущение народов, проживающих на этой огромной территории. Образ карты передает величие страны, величие народа, проживающего в этой стране. Используя анафору, Эренбург акцентирует внимание на силе и правде, которой обладает народ, на уверенности в правоте своего народа. Он пишет: «Мы знаем, что правда с нами. Мы знаем, что с нами сила». Публицист для возвеличивания народа использует перифраз: народ он называет «народом Петра Великого и Пушкина, Ленина и Горького». Этим приемом автор показывает, что у народа есть много гениев, которыми народ может гордиться, которые многое сделали для своей страны. Эренбург предстает человеком культуры. Этот мощный культурный пласт ярко противопоставляется дикости захватчиков

В «Одном сердце» автор использует образ-символ ветвистого дерева. В мифологии этот образ отражает представления о древе жизни. Великое и окрепшее дерево автор сравнивает с государством. Как из крохотного деревца вырастает большое и великое дерево, так племена, преодолевая разобщенность, объединяются в мощную державу. Эренбург пишет: «Его [дерева] сердцевину опоясали круги. Каждый круг – год, и не счесть кругов». Эти круги символизируют тот длительный путь, который прошли народы, прежде чем объединиться. Кроме этого, круги вокруг сердцевины символизируют защиту, единство, бесконечность, которые происходят из единства народов и держатся на нем. Все, связанное с народом полно жизнью, проникнуто связью с родиной и природой. «Любовь к родине разлилась, как река в половодье, затопила все. Уже нет отдельной судьбы человека. Есть только судьба родины», – пишет Эренбург. Все, что касается изображения фашистов, окрашено в негативные тона: «Для немцев степь – это поле сражения, и только. Мы знаем, что эта степь пахнет полынью, для нас эта степь – родная». И снова мы видим анафору, которая, смешиваясь с антитезой, акцентирует внимание на различии миропонимания противников: «Для фашистов русские женщины – рабыни, для нас – наши жены, наша любовь, наша жизнь». Поэтизация образов, которая так ярко выражена в пане-

гирике Эренбурга, создает эпический стиль, показывает нам жизнь целой страны, которая обладает мощной силой, заключающейся в единстве ценностей и мироощущений.

Публицистику часто называют «лирикой в прозе»: «Лирику с публицистикой роднит субъективность. С одной стороны, она служит тем фактором, который определяет “фокус” зрения как публициста, так и поэта-лирика, а с другой – тем свойством художественного текста, который рождается под пером как публициста, так и поэта-лирика». Н. Л. Лейдерман отмечал, что у публициста можно найти интригующий сюжет размышлений, убедительную логику, риторические слова и высказывания, субъективность же лирического автора проявляется в эмоциях [Лейдерман 2010: 479]. Так в панегириках мы видим, как умело Эренбург использует ресурсы эпического стиля, обращаясь к образам-символам, сравнениям и развернутым описаниям, так же он выражает собственные чувства с помощью лексических средств, изменения интонации.

Итак, в произведениях «Русский Антей» и «Одно сердце» встречаем возвышенную интонацию, черты эпического стиля, поэтизацию образов, обилие средств выразительности и обращение к образам культуры, к мифопоэтическим образам. Эти приемы образуют стиль представленных произведений. В них создается единый образ, характерный именно для народа, объединенного под знаком Советского Союза. В мироощущении этого народа главное – культура, ценности, которые формировались веками и сохраняются сегодня. Автор предстает как человек культуры. И эти ценности, по мысли Эренбурга, помогают народу в нелегкой борьбе с захватчиками.

Литература

1. *Астахова А. М.* Илья Муромец в русском эпосе // Илья Муромец. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 393-419. – (Лит. памятники).
2. *Лейдерман Н. Л.* Теория жанра: Научное издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 904 с. – С. 479.
3. *Лосев А. Ф.* Гомер. – М.: Учпедгиз, 1960.

4. *Тертычный А. А.* Жанры периодической печати. – М.: Аспект-Пресс, 2006.

5. *Эренбург И. Г.* Война. 1941-1945. – М.: КРПА Олимп: Астрель: АСТ, 2004.

Пыхов В. В. (Екатеринбург, УрГПУ)

Музыкальная терминология в аспекте ее восприятия

Аннотация. В статье рассматривается восприятие наиболее универсальных музыкальных терминов (обозначение тональностей) представителями различных профессий. Некоторые музыкальные термины имеют специфику графического обозначения, вследствие чего могут быть дешифрованы в опоре на различные стратегии. Приведены результаты исследования по восприятию неоднозначных стимулов-терминов людьми, связанными и не связанными с музыкой. Для эксперимента стимулы намеренно задаются табличным способом, что позволяет, увеличив их многозначность, проследить специфику их интерпретации.

Ключевые слова: музыкальная терминология, музыка, музыкальные термины, аккорды, цифровка, восприятие музыки.

Pykhov V. V. (Yekaterinburg, USPU)

Musical terminology in the aspect of its perception

Abstract. The article considers the perception of the most universal musical terms (designation of tonalities) by representatives of various professions. Some musical terms have the specificity of a graphic designation, as a result of which they can be deciphered in support of various strategies. The results of the research on the perception of ambiguous stimulus terms by people connected and not connected with music are presented. For the experiment, the incentives are intentionally set in a tabular fashion, which allows, by increasing their ambiguity, to trace the specifics of their interpretation.

Keywords: music terminology, music, musical terms, chords, digital music, music perception.

Специфика обозначения тональностей относится к наиболее универсальной части музыкальной терминологии. Терминология других областей может быть изучена посредством психо-

лингвистического эксперимента (см., например: [Зуева, Пайвина 2016]. Тональность в учении о гармонии определяется как принцип лада, центральной категорией которого является тоника [Холопов 2003: 544.]. Остальные категории и функции тональности (прежде всего, доминанта и субдоминанта) прямо или косвенно связаны с тоникой. В музыке существует 12 тональностей, в каждой из которых могут строиться различные виды аккордов, от разных ступеней. Буквенно-цифровое обозначение аккорда – это метод упрощенной записи аккордов в музыкальном аккомпанементе, широко применяющийся в популярной музыке и джазе. Буквенно-цифровое обозначение аккорда / аккордов сокращенно называется *цифровка* [Зазерский, Левандо 1985: 158].

Чтобы выявить специфику ассоциирования у представителей различных профессий, нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент.

Респондентам предлагалось на каждый стимул написать две и более ассоциации. Инструкция формулировалась следующим образом: «Что вы здесь видите, с чем эта таблица у вас ассоциируется?». Стимульным материалом стала смоделированная таблица по принципу таблицы химических элементов из трех буквенно-цифровых обозначений аккордов (Am, Cm, Fm):

95 Am [243]	96 Cm [247]	100 Fm [257]
-------------------	-------------------	--------------------

Данный вид стимула (с неоднозначным истолкованием) позволяет увидеть различие в восприятии символов у респондентов различных сфер деятельности, в том числе и у музыкантов. Эксперимент проводился в 3 группах испытуемых в зависимости от рода занятий: «Химики/медики», «Музыканты», «Люди иных профессий». Использовались 3 формы опроса, для каждой отдельной группы, для удобства анализа: Музыканты [Опрос для группы “Музыканты” URL: <https://goo.gl/forms/xd09Nor22YUmKys12> (дата обращения: 04.05.2018)], Химики/Медики [Опрос для группы “Химики/Медики” URL: <https://goo.gl/forms/aELzME74BCsA8taW2> (дата обращения: 04.05.2018)], Люди иных профессий [Опрос для группы “Люди

иных профессий” URL: <https://goo.gl/forms/2bB7fYiDvc3zb8cj1> (дата обращения: 04.05.2018)]. Такой способ организации стимула может позволить увидеть, вычлениют ли испытуемые отдельные символы из предложенной таблицы или воспринимают ее целостно.

Исходя из этой посылки, нами была выдвинута следующая **гипотеза**: в оценках представителей разных профессий могут проявиться разные типы ассоциаций на заданный стимул (аккорды, представленные в виде цифровки). Несомненно, профессия налагает отпечаток на восприятие человеком данных знаков.

Можно предположить, что химики увидят в этом стимуле названия химических элементов – (слева направо) америций (Am), кюрий (Cr) и фермий (Fm). И если представители этой отрасли никогда не занимались музыкой, то им никогда даже в голову не придёт, что данные обозначения могут иметь и другой смысл.

Музыканту данные обозначения практически с первого взгляда покажутся «цифровкой», и он увидит краткие обозначения гармонии – (слева направо) *Ля минор*, *До минор*, *Фа минор*. Но при этом же через некоторое время те, кто хорошо помнит химию из школьной программы, смогут провести параллель с названиями химических элементов, обратив внимание на числа.

Цель данного эксперимента заключается в том, чтобы выявить психологическую реальность значения некоторых терминов, проследить, на какие знаковые аналоги опираются респонденты.

Рассмотрим полученные данные.

Группа “Музыканты”

В данной группе было опрошено 50 респондентов, из них 62% – женщины, 38% – мужчины в возрасте от 17 лет до 38 лет.

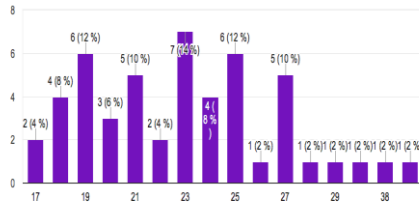
Ядро: аккорды (13), цифровка (11).

Ближняя периферия: таблица Менделеева (7); гитара (6); ля минор, до минор, фа минор (5); гармония (5).

Дальняя периферия: музыка (4); химия (4); таблица (4); минор (3); минорные аккорды (2); ноты (2).

Укажите свой возраст.

50 ответов

Крайняя периферия (1): тональности; шансон; блатной; песня; такты; синий; химический элемент; музыкальная терминология; сольфеджио; элемент; ля до фа; элементы таблицы Менделеева; H_2O ; основа; периодическая таблица химических элементов; периодическая система химических элементов; Am Dm Em; химическая формула; аккорды песен; секретный код; школьная формула; контур; отрезок; группа крови на рукаве...; песня; водка; квартира; борода; одиночество; минорные трезвучия, через терцию; буквы; обозначение аккордов; Менделеев; расчет; числа; цифры; знаки; чай.

Самыми частотными реакциями являются *аккорды* и *цифровка*. Скажем еще раз, что цифровкой называется буквенно-цифровая система обозначения аккордов [Зазерский, Левандо 1985: 158].

Можно выделить ассоциативные доминанты: «музыка (музыкальные термины)», «химия (терминология)», «графика (знаки, графические изображения)».

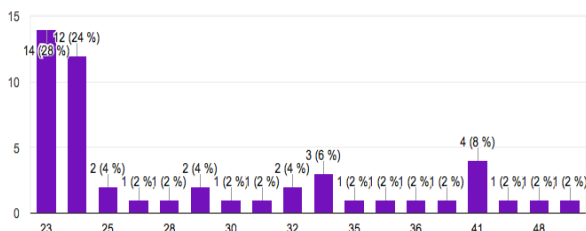
Группа «Химики/медики»

В данной группе было опрошено 50 респондентов, из них 62% – женщины, 38% – мужчины в возрасте от 23 лет до 48 лет.

Ядро: химия (15), таблица Менделеева (13).

Укажите свой возраст:

50 ответов

Ближняя периферия: таблица (9); Менделеев (8); аккорды (6); химические элементы (5); элементы (5).

Дальняя периферия: школа (3); порядковый номер (2); железо (2); элемент (2); радио (2); америций (2); кюри (2).

Крайняя периферия (1): во все тяжкие; физика; металл; гитара; радиоволна; шифр; золото; кадмий; период; координаты; периодическая таблица Менделеева; наука; атомная бомба; актиноиды; периодическая таблица химических элементов; периодический закон; радиоактивность; америка; камень; цифры; карточка; тест; несуществующие элементы; утро; камера; пустота; неопределенность; аммоний; радиология; молекулярная масса; фантастика; музыка; старые песни; стандартный набор; закономерность; сокращенное название химических веществ; каталог библиотеки; каталог личных карточек работников производства (компании); списки лиц ожидающих оперативную тактику или исследование; таблица химических элементов; фермий;

Самыми частотными реакциями являются *химия* и *таблица Менделеева*.

Химия – это наука, изучающая строение и свойства веществ [Теоретические основы химии URL: http://www.himhelp.ru/section23/section1/himia_kak_nauka/ (дата обращения: 13.04.2018)].

Таблица Менделеева – это классификация химических элементов в виде таблицы [Потапов, Хомченко 1982: 26.].

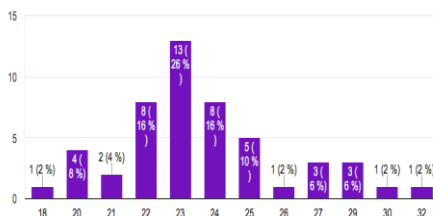
В данной группе можно выделить ассоциативные доминанты: «музыкальные термины», «название химических элементов/соединений», «графические знаки».

Группа «Люди иных профессий»

В данной группе было опрошено 50 респондентов, из них 66% – женщины, 34% – мужчины в возрасте от 18 лет до 32 лет.

Укажите свой возраст:

50 ответов

Ядро: химия (17), аккорды (10).

Ближняя периферия: гитара (9); таблица (8); таблица Менделеева (8); элементы (6); ноты (6); Менделеев (5).

Дальняя периферия: аккорд (3); наука (2); химические элементы (2); минор (2).

Крайняя периферия (1): таблица по химии; аммиак; цирконий; марганец; грустная мелодия; водка; формула; бред; график; знаки; Am; Dm; cream; femenzizm; скука; костер; учить; произношение; лад; что-то музыкальное, не в первый раз; открытия в химии последних десятилетий; валентность; количество протонов; молекула; запах духов; сложно; радио; америций; кюрий; фермий; если бы не фа-минор в конце, было бы похоже на enjoy the silence; цифры; металлы; female; ля; до; фа; схема; иностранный язык; интерпретация; иллюстрация; импровизация; иллюзорность; метафоры; английский; химический элемент; радиостанция; английские буквы; английское время; турецкий язык; феррум; кварта; квинтовый круг; вещества; порядок.

Самыми частотными реакциями являются химия и аккорды. Здесь мы можем выделить следующие ассоциативные доминанты: «музыкальная терминология», «химическая терминология», «графические знаки», «языковые знаки».

В зоне крайней периферии имеется большое количество ассоциаций, связанных с музыкой: “Am”, “Dm”, “лад”, “кварта”, “квинтовый круг”, “радио”, “грустная мелодия”, “импровизация”, “ля”, “до”, “фа”.

В зоне крайней периферии среди ответов данной группы лиц, мы можем увидеть много слов, относящихся к такой науке, как химия: “молекула”, “количество протонов”, “феррум”, “металлы”, “америций”, “кюрий”, “фермий”.

Опираясь на построенные ассоциативные поля, можно сделать такой вывод:

Испытуемые (музыканты) в большей степени увидели в стимуле именно музыкальные термины, а именно: аккорды. Для других испытуемых (химиков) эта же таблица четко ассоциируется со сферой деятельности. У испытуемых из контрольной группы “Люди иных профессий” самыми частотными реакциями стали слова *химия* и *аккорды*. Их ассоциации демонстрируют примерно равную отнесенность к двум сферам – музыке и химии.

Таким образом, гипотеза подтвердилась в плане того, что в реакциях представителей разных профессий могут проявиться определенные типы ассоциаций на заданный стимул, зависящие от рода деятельности или их эмпирического опыта.

Литература

1. *Зазерский Е. Я., Левандо П. П.* Вопросы методики преподавания дирижерско-хоровых дисциплин в вузе культуры. – М., 1985.
2. *Зуева Т. А., Пайвина Л. В.* Банковская терминология в аспекте ее восприятия // *Linguistica Juvenis*. – 2016. – С. 77-81.
3. *Потапов В. М., Хомченко Н. Г.* Химия. – М., 1982.
4. *Холопов Ю. Н.* Гармония: Теоретический курс. – СПб., 2003.
5. *Опрос* для группы “Музыканты”. – URL: <https://goo.gl/forms/xd09Nor22YUmKys12> (дата обращения: 04.05.2018).
6. *Опрос* для группы “Химики/Медики”. – URL: <https://goo.gl/forms/aELzME74BCsA8taW2> (дата обращения: 04.05.2018).
7. *Опрос* для группы “Люди иных профессий”. – URL: <https://goo.gl/forms/2bB7fYiDvc3zb8cj1> (дата обращения: 04.05.2018).
8. *Теоретические основы химии*. – URL: http://www.himhelp.ru/section23/section1/himia_kak_nauka/ (дата обращения: 13.04.2018).

Талашманов С. С. (Екатеринбург, УрГПУ)

*Речевые жанры традиционной эпистолы
и интернет-коммуникации: сопоставительный анализ*

Аннотация. В данной статье на основе модели анализа речевых жанров, предложенной Т. В. Шмельёвой, сопоставляется жанр традиционной эпистолы, создающийся на бумаге, с жанрами интернет-коммуникации. Выявляются основные изменения традиционной эпистолы в структурных параметрах жанра, функциях, пространственно-временной организации эпистолярного текста, характере интенций участников эпистолярного дискурса, а также в наборе языковых средств.

Ключевые слова: эпистолярные тексты, эпистолярные каноны, речевые модели, речевые жанры, коммуникативная цель, Интернет, интернет-коммуникации.

Talashmanov S. S. (Yekaterinburg, USPU)

*Speech genres of traditional epistle and Internet communication:
comparative analysis*

Abstract. In this article, based on the analysis model proposed by T. V. Shmelyovovoya we compare the genre of traditional epistle, created on paper, with the genres of Internet communication. We reveal the main changes of the traditional epistle in the structural parameters of the genre, functions, spatio-temporal organization of the epistolary text, the character of intentions the participants in the epistolary discourse, and also in the set of linguistic facilities.

Keywords: epistolary texts, epistolary canons, speech patterns, speech genres, communicative purpose, Internet, Internet communications.

В современной лингвистике эпистола рассматривается как жанр речи, в котором употребляются высказывания, носящие конкретный и индивидуальный характер. Характер и стиль самого высказывания в речевом (эпистолярном) жанре зависят от

экстралингвистических и лингвистических факторов, которые формируют определённую модель речевого жанра.

Т. В. Шмелева в работе «Модель речевого жанра», взяв за основу бахтинский треугольник: «тема – композиция – стиль» и треугольник коммуникации: «адресант – предмет речи – адресат», вывела модель речевых жанров и их классификацию. Согласно данной концепции, целостная конструкция модели речевого жанра складывается из семи компонентов: «коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, параметр диктумного содержания, особенности языкового воплощения» [Шмелёва 1997: 97]. Рассмотрим по данным критериям эпистола традиционную и трансформировавшуюся в различные речевые жанры, существующие в рамках интернет-коммуникации.

Главным критерием в данной модели, по мнению автора, является **коммуникативная цель**, в традиционной эпистоле это проявляется в том, что адресат получает определённый пласт информации, который порождает коммуникативные отношения. Информация в данном случае является как целью, так и поводом к дальнейшему коммуникативному взаимодействию. Создаётся диалоговое взаимодействие, которое дистантно по характеру, т. к. следующий коммуникативный отрывок для адресата будет получен через некоторое время (день, неделя, месяц и даже год). Данный диалог, как мы уже выяснили, состоит из обращения, основной информации, концовки, прощания и подписи автора.

Если рассматривать **образ автора и адресата**, то можно сказать, что это могут быть разные личности, имеющие разный социальный статус. Их образ формируется за счёт экстралингвистических факторов: биографического опыта, исторической эпохи, характера и мироотношения. Как правило, число коммуникантов двое (адресант и адресат), если письмо открытого типа, то число адресатов составляет более двух, трёх человек. Адресант в традиционной эпистоле задаёт параметры коммуникативного взаимодействия, которые выражаются в теме, интенциях и форме, виде письма. Коммуниканты обязательно называют друг друга по имени, фамилии или отчеству в процессе переписки из-за дистантного характера. От близости отношений зависит характер письма, его вид и лексические, синтаксические особенности.

Образ прошлого и будущего в традиционной эпистоле складываются из ситуаций, событий, предшествующих коммуникации и тех, которые могут произойти или точно произойдут в ближайшем будущем. Адресант и адресат могут вспоминать события прошедшие, случившиеся недавно, могут прогнозировать дальнейшие события. Информация носит дистантный характер, имеет актуальность в разные временные пласты, что в принципе характерно для традиционного эпистолярия.

Из всех этих особенностей складываются **особенности языкового воплощения**, которые выражаются в тематическом и семантическом содержании, стиле, композиции, лексико-фразеологических особенностях, грамматических и интенционально-прагматических. Например, для переписки М. Горького и А. П. Чехова характерна полная структура, богатство тем как социальных, так и личностно-экзистенциальных, художественный стиль, который выражается в активном употреблении тропов и фигур и экспрессивном синтаксисе. Таким образом, традиционная эпистола как речевой жанр складывается из таких параметров как дистантный диалог с репликами большого объёма, актуальность, обусловленная информационной потребностью (коммуникативная, информационная, экспрессивная функции выходят на первый план), сформированность за счёт коммуникативной ситуации.

Рассмотрим по тем же параметрам речевые жанры, в которые трансформируется традиционная эпистола. Для начала следует сказать о специфике пространства, в которой существует эпистола как речевой жанр интернет-коммуникации. Данная среда носит виртуальный характер, жанром интернет-коммуникации считается та эпистола, которая не может существовать за её пределами.

Виртуальное пространство синтезируется с социальным, так как в нём также выделяются элементы, присущие пространству социальному: акторы, группы, индивиды, культуры и их конфронтации и, конечно же, коммуникация. Отличие состоит в том, что интернет-пространство искусственно и скорость передачи языковой информации осуществляется в нём гораздо быстрее, а информационное взаимодействие является опосредованным за счёт компьютеров и других гаджетов, также его дифференцирует от пространства социального дистантный характер,

раскованность, иллюзорность и анонимность. А. В. Курьянович подчёркивает, что интернет-взаимодействие «вносит коррективы в сложившуюся систему регулирования межличностного и социального общения на всех его уровнях: этическом, политическом, профессиональном и пр.» [Курьянович 2016: 9]. Исходя из этого, можно утверждать, что виртуальное общение, складывающееся из смс-сообщений, социальных сетей, интернет-чатов, которые оказывают большое влияние на коммуникативную эпистолярную сферу, вносит определённые коррективы в жанровую форму эпистолы, трансформируя её.

Материалом для исследования послужил популярный интернет-форум «Наука и жизнь» <https://www.nkj.ru/forum/forum7/topic4694/messages/>. Данный форум отражает особенности как речевых жанров интернет-коммуникации, так и специфику виртуального пространства, в которых создаётся эпистола. Форум представляет собой обсуждение определённых тем в форме диалога и полилога, которое осуществляется в форме реального времени с помощью мгновенного обмена сообщениями, которые и являются продуктом трансформации традиционной эпистолы, меняющей определённые параметры в структуре и модели речевого жанра. Сообщения представляют собой реплики в письменной форме, отражающие особенности повседневного общения, поэтому они будут характеризоваться такими особенностями, как индивидуальность, полиадресатность, стилевая контаминация (разговорная речь, включающая в себя тропы, фигуры, жаргонизмы, эрративы), неклишированность, передача эмоций с помощью смайлов, метатекста и спонтанность.

Для анализа речевой модели и структуры жанра интернет-коммуникации послужили сообщения с форума, возникшие в результате обсуждения темы: «ХРОНОЛОГИЯ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА». Сохраняется авторская орфография и пунктуация.

– нынешние виды обезьян должны через миллионы лет снова эволюционировать в человекообразных.

– А не ошибка-ли это? Человек тогда тоже должен вымирать все по тем-же законам, что и обезьяны т.е. например, пищевой ресурс не вечен.

– ага

– Шимпанзе узнают себя в зеркале?

– Да! Глупые голуби тоже «узнают себя в зеркале». Те, кто ставит такие эксперименты, не знают, что такое бессознательное мышление - интуиция. Это очень странный психологический феномен. <...>. То, что в наблюдаемом мире есть зеркало, которое отражает часть мира, животное тоже воспринимает в целом.

– Люди которые научились прикрываться шутками-прибаутками, искренно считают, что чувство юмора это самое главное, что есть у человека.

– А что самое главное у человека? Вообще, есть оно – это САМОЕ главное?

– Но вот парадокс, все реальные гении – шизоиды, а они по своему психотипу асоциальны и «являются негодными членами коллектива».

– Мистер, или мадам, что за галиматью Вы несёте. Окститесь.

– Уй-уй-уй! И это Пётр Тайгер? «Оптимизму» совсем не наблюдается. Что? «Руки вгору?» На Вас не похоже. Что же, пан СтанИслав по другому и не мог описать. Но вопреки мрачным агностикам, «кроманьоны» всё же помаленьку кое-чего достигают.

Коммуникативная цель в данных сообщениях носит информативный характер, иногда оно может обладать чисто информативной функцией

– *шимпанзе узнают себя в зеркале?* – да! В данном случае автор ставит задачу получения информации от адресата. Очень ярко выражена фатическая функция, цель, которая направлена на поддержание дальнейшего общения, в речевом жанре интернет-коммуникации она является ядерной, об этом говорит частотное употребление вопросно-ответной формы. Сама по себе фатика характеризуется прагматикой в модальности межличностных отношений, в виртуальном пространстве прагматика возрастает, так как имеется больше условий для её реализации, поэтому фатическая функция выходит на первый план. При таком функциональном смещении информация перестаёт носить характер цели, она служит лишь поводом для коммуникации, особенно ярко это выражено в личных диалогах какой-либо социальной сети:

– Почему в школу не пошёл? – Заболел. // – Ты сегодня плохо выглядишь. – Ага, совсем что-то настроения нет и сил тоже, буду спать весь вечер. Таким образом, речевые жанры интернет-коммуникации можно отнести к информационно-фатическим, в которых ядерной функцией является фатическая, направленная на важнейший межличностный аспект.

В традиционном эпистолярном жанре ядерной функцией является информативная. Она состоит в передаче сообщения адресату, в котором может делаться информативный акцент на последовательно развивающихся действиях, состояниях, событиях, фактах и т. п. Функциями ближней периферии являются фатическая и самопрезентативная. В жанрах интернет-коммуникации фатическая и экспрессивная функция часто становится ядерной из-за квазисинхронного временного характера передачи сообщения. Контактподдерживающие фатические единицы становятся ядерными, так как сообщение направлено на то, чтобы как можно скорее получить ответ от адресата. Экспрессия в подобных речевых жанрах выражается смайлами, эрративами, языковой игрой (см. о приемах языковой игры в медиадискурсе в: [Гридина, Ваулина 2013: 22-27]), графодериватами, жаргонизмами, обценнизмами, капсом, которые вовлекают адресата в мир автора, заставляют сопереживать ему. Таким образом «...адресат вводится в другой мир, приобщается к аксиологическому миру адресанта, происходит его вовлечение в иную эмоциональную сферу, навязывание переживаний и эмоционального состояния адресанта», являющегося непосредственным участником переписки [Санников 2002: 35].

Образ автора и адресата. Как и в традиционной эпистоле, в данном жанре автором и адресатом являются люди с разными характеристиками по половой, возрастной, социальной принадлежности. При личной переписке коммуникантов двое, но на форумах, чатах, в открытых письмах количество адресатов может быть безграничным, составляющим полилог. Их образ также формируется за счёт экстралингвистических факторов: биографического опыта, исторической эпохи, характера и мироотношения, все эти особенности отражаются в эпистоле в лингвистических факторах на разных уровнях языка (ср. наблюдения над прагматикой креатива в медийном дискурсе в: [Гридина,

Коновалова 2011, 2013]). Параметры коммуникативного взаимодействия и стиля зависят от адресанта, который задаёт тему и от того, где происходит общение. В нашем случае тема обсуждения звучит как «*хронология эволюции человека*», и это отражено на лексическом уровне. Поскольку тема научно актуальная, а жанр интернет-коммуникации предполагает разговорный стиль, то данные сообщения напоминают стиль научных сообщений, которые используются в научно-популярных жанрах. В отличие от традиционной эпистолы коммуниканты данного диалога не называют друг друга по имени, фамилии или отчеству из-за квазисинхронного характера, который предполагает экономию речевых усилий и автоматической вставки имени над сообщением. Коммуниканты часто маркируются личными местоимениями или косвенными падежами. – *Мистер, или мадам, что за галиматью Вы несёте? – На Вас не похоже*. Исключение составляет официально-деловое письмо. Самый частотный вид переписки жанра интернет-коммуникации личностный или интимно-личностный, который строится по эпистолярному типу: «друг – другу: близкие».

Образ прошлого и будущего в эпистолярных жанрах интернет-коммуникации закреплён за настоящим моментом речи, поэтому этот образ носит характер ближайшего прошлого и будущего. Как правило, обсуждаются события прошедшего дня или планы на завтрашний день. Но всё же доминирует настоящий момент речи, об этом говорят глаголы настоящего времени – *Мистер, или мадам, что за галиматью Вы несёте. Окститесь*. Коммуниканты не вспоминают давно прошедшие личностные события. Важной особенностью эпистолярных жанров интернет-коммуникации, отличающих их от традиционной эпистолы, является квазисинхронный, сиюминутный характер переписки, это опять же характерно для жанров с ядерной фатической функцией. Такие эпистолы актуальны только в настоящий момент, сообщение передаются мгновенно и сразу же забываются, об этом говорит большое количество ошибок и опечаток.

Особенности структурного и языкового воплощения. Структура в жанрах интернет-коммуникации разрушается. Приведённый выше языковой материал позволяет сделать вывод о том, что данные жанры характеризуются как бесструктурный

диалог, состоящий из реплик или речевых высказываний, стиль которых зависит от темы и экстралингвистических факторов. Можно отметить такую особенность создания текстов в интернет-пространстве, как намеренная игра со словом или намеренное искажение графического облика, в нашем случае это слово «*пан СтанИслав*», а также эрратив. Вслед за Г. Гусейновым мы понимаем эрратив как «слово или выражение, подвергнутое нарочитому искажению носителем языка, владеющим литературной нормой» [Гусейнов 2005: 4]. Например, слово «*Оптимизму*» из диалога. Таким образом, эрратив служит средством создания неформального общения, которое может отражаться в творческом проявлении языковой личности через функцию самопрезентации. Речевая модель данного жанра в силу своих особенностей способствует размыванию жанровых границ и их канонов. Теряются не только те или иные возможности жанровой формы, но и образуются новые за счёт отсутствия канонов или смешения канонов, клише разных жанровых форм, примером этому могут послужить такие речевые интернет-жанры, как пост, твитт, фанфики, мемы, эдвайсы, демотиваторы, комментарии и другие.

Проведя лингвистический анализ эпистолярного текста как жанра интернет-коммуникации, можно утверждать, что виртуальное общение, складывающееся из смс-сообщений, социальных сетей, интернет-чатов, которые оказывают большое влияние на коммуникативную эпистолярную сферу, вносит определённые коррективы в жанровую форму эпистолы и влечёт за собой коррективы, её трансформацию. Основным изменениям подверглись структурные канонические особенности жанра, которые, либо становятся шаткими, либо и вовсе исчезают. По причине того, что интернет-коммуникация – явление гибкое, общедоступное и предоставляет возможность самоконтроля, стиль письма часто игнорируется, а лексические, синтаксические и пунктуационные особенности оформления текста тщательно не редактируются авторами. Эпистола оформлена в виде диалога, состоящего из речевых высказываний или реплик. Исходя из результатов, полученных в ходе анализа речевой модели жанра эпистолы традиционной и подвергшейся трансформации, можно составить сравнительную таблицу с жанровыми параметрами.

Аспект речевого жанра	Традиционная эпистола	Речевой жанр интернет-коммуникации
Функция	1) информативная; 2) фатическая; 3) самопрезентативная; 4) экспрессивная;	1) фатическая; 2) экспрессивная; 3) информативная; 4) самопрезентативная;
Образ прошлого, будущего	Далёкое прошлое, прогностический характер будущего. Актуальность переписки в разные временные пласты.	Ближайшее прошлое и будущее. Актуальность переписки в настоящий момент времени.
Временной характер периодов отправки сообщения	Дистантный, долгий.	Квазисинхронный, мгновенный.
Пространство, в котором создаётся сообщение	Реальное (на бумаге).	Виртуальное (интернет-пространство).
Характер текста	Целостный объёмный продукт речевой деятельности.	Диалоги, полилоги состоящие из высказываний или реплик.
Структура	Зачин (обращение), основная часть, концовка, подпись автора (может быть дата и место написания).	Часто отсутствует (исключение: официально-деловой вид эпистолы).
Характер коммуникативной цели	Информативный, затем фатический.	Чаще фатический, затем информативный.
Языковые особенности	Клишированность, стилевая контаминация с доминиро-	Неклишированность, стилевая контаминация с доми-

	ванием разговорного стиля.	нированием разговорного стиля и интернет-языка: языковая игра, эрратив, система смайлов, грубая лексика, опечатки, семантическая и орфографическая деформация.
Восприятие современными интернет-пользователями	Культурный символ, оригинальный способ передачи информации, предмет заботы и романтики.	Повседневный быстрый способ передачи информации и коммуникации.

Таким образом, самые существенные изменения в речевых жанрах эпистолярия касаются функций: современный эпистолярный дискурс имеет фатически информационный характер, что демонстрирует «сдвиг ядерных функций» традиционной эпистолы на ближнюю периферию. Эта функциональная трансформация естественным образом определяет изменения и в структуре эпистолярного текста, и в характере языковых средств.

Литература

1. *Гридина Т. А., Ваулина И. А. ОБЪЕГЭРИТЬ: новые феномены сознания современного российского социума // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3. – С. 22-27.*
2. *Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Вопросы номинативной теории политической коммуникации // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1. – С. 257-259.*
3. *Гридина Т. А., Коновалова Н. И. «Куда идем? Большой вопрос.»: прагматика креатива в современном медийном дискурсе // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2013. – № 3 (22). – С. 13-20.*

4. *Интернет-форум* «Наука и жизнь» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nkj.ru/forum/forum7/topic4694/messages/>.

5. *Курьянович А. В.* Электронное письмо как функционально-стилевая разновидность эпистолярного жанра в пространстве современной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2008. – Вып. 2. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-pismo-kak-funksionalno-stilevaya-raznovidnost-epistolyarnogo-zhanra-v-prostranstve-sovremennoy-kommunikatsii>.

6. *Курьянович А. В.* Современный эпистолярный дискурс: взгляд сквозь призму законов текстовой коммуникации // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 3. – С. 204-213.

7. *Курьянович А. В.* Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2001. – С. 94-102.

8. *Протопопова О. В.* Эпистолярный жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта и др., 2003а. – С. 627-631.

9. *Шмелева Т. В.* Речевой жанр: опыт общепилологического осмысления // Collegium Международный научно-художественный журнал. – 1995. – № 1–2. – С. 57-65.

10. *Якунина М. Л.* Развитие жанра «открытого письма» в интернет-коммуникации как проявление гуманизации современного мультимедийного мира // Гуманизация информационного пространства в контексте диалога культур: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию со дня рождения первого декана факультета журналистики Казанского университета Флорида Агзамова (11 февраля 2016 г., г. Казань) / под ред. В. З. Гарифуллина; сост. Р. Л. Зайни. – Казань: Изд-во Казан. унта, 2016. – С. 296-305.

11. *Якунина М. Л.* Жанр «открытого письма» в интернет-коммуникации // Научные открытия в эпоху глобализации // Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Саратов: ОМЕГА САЙНС, 2016. – С. 110-115.

12. *Якунина М. Л., Пекарская И. В.* «Открытые письма» как жанр интернет-коммуникации (на материале сайта «письма президенту») // Язык и культура. – 2016. – Вып. 1 (33).

Ушаков А. А. (Челябинск, ЮУрГУ)

*Цикл «отсебятина» в структуре книги Сергея Узун
«НЕ поймите меня правильно»*

Аннотация. Статья посвящена анализу цикла «Отсебятина» в книге Сергея Узун «Не поймите меня правильно». Творчество автора представляет интерес как новое для современной культуры явление находящиеся на стыке традиционной литературы и её сегмента – сетературы (или сетевой литературы).

Ключевые слова: сетевая литература, современная литература, малая проза, литературное творчество.

Ushakov A.A. (Chelyabinsk, SUSU)

*Part «Gag» in a structure of the book by Serge Usun
«Do not get me right»*

Abstract: The article is devoted to the analyses of the cycle «Gag» in the book, written by Serge Usun «Do not get me right». Works of the author are of interest as a phenomenon for the contemporary culture. His works are located on the junction of traditional literature and its segment – network literature.

Keywords: net literature, modern literature, small prose, literary creativity.

Сергей Узун – это молдавский блогер, который пишет только на русском языке. Себя предпочитает называть сетератором, то есть автором, создающим произведения в русле сетевой литературы.

Пишет короткие рассказы, как правило, сатирические. Выкладывает их на своей странице в ЖЖ, а также в блоге. На данный момент опубликовано три сборника автора. В данной статье затронем первый, дебютный сборник С. Узун «Не поймите меня правильно», а точнее его вступительный цикл «Отсебятина».

Специфику организации цикла, а также его роль в пространстве книги невозможно определить без рассмотрения концепции

данного издания. Образ автора становится центральным элементом архитектоники сборника. Это продекларировано уже в заглавии книги «Не поймите меня правильно».

Устойчивое выражение приобретает обратное значение за счёт частицы «не», что маркирует ироничную направленность всей книги. Но указание на личность говорящего («не поймите МЕНЯ правильно»), то есть автора, является ключевым. Именно образ автора, чье присутствие читатель ощущает в большинстве рассказов сборника, и становится основой книги. Разумеется, стоит подчеркнуть, что под «автором» мы понимаем не реальную личность С. Узуна, а его творческое эго.

Таким образом, ключевым циклом книги становится именно «Отсебятина», что в частности подтверждает расположение его в начале, то есть в сильной позиции текста. Название цикла несёт не буквальное словарное значение: «свои собственные слова, вставляемые в какой-либо контекст, в чужую речь, требующую точной передачи» [Ожегов 2012: 736] – а считываемое на уровне словообразования. Корень «себ» то же акцентирование на личности (образе) автора, что и в заглавии сборника «Не поймите МЕНЯ правильно», приставки «от» как указателя источника и суффикса «ятин»: «под ударением при добавлении к именам прилагательным образует имена существительные женского рода со значением вещественного или собирательного понятия, которое характеризуется признаком, названным качественными именами прилагательными» [Ефремова 2000: 1945].

Содержание данного цикла в полной мере соответствует «собирательному» и «вещественному» значению, скрытому в морфемном составе слова. Это единственный цикл, который объединяет рассказы от первого лица и имеющий цель раскрыть образ автора для читателя. Данная мысль постулируется во вступлении к циклу:

«Попытки обычного человека рассказать о себе заведомо обречены на провал. По той простой причине, что выйдет:

либо совсем уже неинтересно...

...либо лубочно красиво...

... Поэтому я пойду путем стереотипов и буду рассказывать о вещах, которые, несомненно, говорят о человеке как о личности» [Узун 2007: 7].

Цикл состоит из 7 рассказов, расположенных концептуально. Первый рассказ «Ботинки», в нём предмет гардероба приобретает отчасти метафорическое значение. Вступительный диалог между неизвестными лицами играет на контрасте между «высоким» и «низким»:

«– Вы не с Земли, верно?»

– Верно. А как вы догадались?»

– По ботинкам. Очень многое можно сказать о человеке по его ботинкам» [Узун 2007: 7].

«Внеземное» в данном случае сталкивается с буквально «приземленным» – обуви, где первое раскрывается через второе.

Сюжет данного рассказа максимально упрощен, что в целом характерно для творчества автора, так как главным в его произведениях является та причудливая канва размышлений, реплик и споров окружающих, которая окружает основное действие. По своей сути это лишь забавный случай в аэропорту, связанный с желанием автора покурить и необходимостью проходить через металлодетектор, из-за чего рассказчик вынужден каждый раз снимать обувь.

Следующий рассказ «Карманы», который представляет собой пронумерованный список всего того, что находится в карманах рассказчика. Предметы, как правило, связаны с определенными культурными или историческими фактами, но за счет контекста ситуации и авторского комментария создают юмористический эффект, построенный на абсурде:

«19. Карманные часы с гравировкой «Герцогу Букингемскому от Анны». Отстают.

20. Переводные картинки с покемоном Пикачу. Пристают...

...23. Складная кружка и портрет Арины Родионовны...

...26. Плюшевый медведь с оторванной лапой. Всё равно его не брошу...» [Узун 2007: 13-14].

Данный список очерчивает кругозор автора, его эрудицию и неординарный взгляд на устоявшиеся явления культуры.

Следующий рассказ позволяет сделать предположение о направлении развития образа рассказчика внутри цикла. От приземленных «ботинок» рассказчик переходит к «овеществлённым» карманам, а от них к внутренним потребностям личности, которые становятся главной темой рассказа «Желания». Данный

рассказ объединяет два списка подарков: один на новый год и адресован Деду Морозу, а второй на день рождения.

«3. Сделай еще, пожалуйста, всех певцов-караоке караоке-танцорами. Тем паче, что, судя по фальцету, им ничего мешать не будет.

4. Или ослабь руки, шуруп завинчивающие, или укрепи от-вертки, шуруп отвинчивающие...

...6. Если будет время, можешь сделать этот мир лучше. Но я не настаиваю» [Узун 2007: 15].

Глобальные вопросы в них совмещаются с бытовыми проблемами, при этом последние обладают большим значением для рассказчика.

От внутренних желаний автор переходит к представлению себя в социуме, что выразилось в рассказе «Автобиография». В рамках данного произведения рассказчик проходит собеседование, где его просят написать свою автобиографию. Она предстает в форме небольших юмористических заметок, отделенных друг от друга с помощью пустой строки. Каждый период жизни (рождение, детсад, школа, институт, работа, рождение первенца) в мелких деталях отражает ту эпоху, на которую он приходится:

«Прихожу я, значит, в детсад. Весь понтовый такой – будёновка, свитерок с мишками, шорты с лампасами...» [Узун 2007: 19].

«В классе седьмом пришла мода на «дипломаты». Пришлось с дерганием косичек завязывать. Потому как ранцем получить – это одно, а «дипломатом» – путёвка в специнтернат для ударенных «дипломатом» по голове детей обеспечена» [Узун 2007: 20].

С. Узун, описывает не личные, уникальные воспоминания из своей жизни, а обыденные, общие, через которые проходили большинство, за счёт чего создаёт образ более близкий к читателю, встаёт с ним на один уровень.

Следующий рассказ «Гесты» представляют собой результаты онлайн-тестов, которые сопровождаются авторским комментарием. Увлечение различными тестами является популярным времяпрепровождением интернет-аудитории, особенно женской половины, Именно предназначенные для них тесты и проходит автор:

«Тест № 2. КАКАЯ ТЫ БЛОНДИНКА?»

Удивление растёт. Потому как оказалось, что я «Кислотная, или крашенная блондинка». То есть всё-таки я не блондинка. Это всё краска...

...Резюмируем. Я – женщина, не блондинка, не домохозяйка и роковая. Если верить тестам (удрученно)» [Узун 2007: 23].

Несоответствия пола и возраста рассказчика проходимым тестам, создаёт юмористический эффект, который усиливается ироническими комментариями автора.

Рассказ «Гостеприимство» демонстрирует образ автора через общение со случайными людьми, постучавших в двери его квартиры. Произведение использует распространённую фабулу интернет-баек о религиозных проповедниках, которые получают неординарный отпор. В «Гостеприимстве» рассказчик, представляясь религиозным человеком, склоняет проповедников помочь отремонтировать квартиру:

«– Помогите мне вымыть полы! Тем самым, вы спасёте меня от праведного гнева ещё не пославшей меня жены. Я буду спасён, а вы вознаграждены будете на небесах, подобно добрым самаритянкам, помогающим нуждающимся.

– Нам идти надобно, – заторопились тётеньки. – У нас ещё микрорайон не спасён» [Узун 2007: 27].

Заключительный рассказ цикла «Повседневное общение» представляет собой развернутый диалог, снабженный лишь краткими авторскими ремарками. В нём автор проводит воспитательную работу с сыном под контролем жены. Предметом диспута становится разбитая в школе об голову девочки указка. Разговаривая с сыном, рассказчик неизменно уходит от своей родительской роли, давая совершенно непедагогические советы и выводы.

Отличительной особенностью рассказов данного цикла является своеобразный вывод, который обозначает какое-либо качество автора. При этом они всегда отрицательные, что демонстрирует общий иронический подтекст сборника в целом, а также снижает своеобразный пафос, который которым, как правило, окутан автор в восприятии читателя:

«И что можно сказать о человеке с железяками на ботинках, восемь лет назад давшем себе клятвенное обещание такой обуви больше не покупать? Безалаберность, да и только» [Узун 2007: 12].

«Уж не знаю, что обо мне может рассказать эта история, но уж она-то явно характеризует меня с нехорошей стороны. Несерьезность да и только» [Узун 2007: 28].

«Вру, конечно. Что не очень хорошо меня характеризует» [Узун 2007: 14].

Завершает цикл заключение, которое является связующим элементом для всех последующих разделов сборника. Заключение своеобразный краткий итог всех предыдущих рассказов, в которых автор в ироническом ключе пытался разобраться в себе. В нём он отказывается от данной концепции, провозглашает иной принцип: «...я расскажу сейчас много разных историй о каких-то третьих лицах и буду с нетерпением ждать своего диагноза» [Узун 2007: 30]. В такой метафорической форме автор завершает формальное знакомство и отдает своё творчество на суд читателя.

Таким образом, цикл «Отсебятина» является ключевым в структуре книги «Не поймите меня правильно». Являясь вступительным циклом дебютного сборника автора, он представляет собой своеобразную самопрезентацию автора, призванную заинтересовать новую аудиторию, предпочитающую книжный формат, а также продемонстрировать ключевые особенности авторской манеры.

Литература

1. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – 2310 с.
2. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28 е изд., перераб. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2012. – 1376 с.
3. *Узуу С. Д.* Не поймите меня правильно. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 268 с.

Хныкина Е. А. (Екатеринбург, УрГПУ)

*Коммуникемы в разговорной речи студентов:
экспериментальные данные*

Аннотация. В статье представлены данные психолингвистического эксперимента, проведённого со студентами с целью определения состава коммуникем в их разговорной речи. Автором статьи выделена специфика употребления коммуникем в речи современной образованной молодёжи. Обосновывается вывод о том, что коммуникемы передают информацию максимально кратко и экспрессивно, что делает их наиболее востребованным средством передачи информации и эмоции одновременно в разговорной речи студентов

Ключевые слова: разговорная речь, коммуникемы, психолингвистические эксперименты, психолингвистика, студенты, речевая деятельность.

Khnykina E. A. (Yekaterinburg, USPU)

*Communication in students ' colloquial speech:
experimental information*

Abstract. The article presents the data of psycholinguistic experiment conducted with students to determine the composition of communication in their speech. The author of the article highlights the specifics of the use of communication in the speech of modern educated youth. The conclusion is substantiated that communication systems convey information as briefly and expressively as possible, which makes them the most popular means of transmitting information and emotions at the same time in students ' colloquial speech

Keywords: conversational speech, communication, psycholinguistic experiments, psycholinguistics, students, speech activity.

Объектом нашего исследования являются коммуникемы, а предметом – их функционирование в речи современных студентов.

В. Ю. Меликян в своем учебном пособии определяет понятие *коммуникема* и представляет их классификацию по характеру выражаемого значения. По его мнению, коммуникема – нечленяемое предложение с неноминативной семантикой, так как она представляет собой краткое выражение, эмоционально-окрашенное и передающее собой информацию, конкретно не называющее явление, но указывающее на это [Меликян 2004].

Семантическая классификация коммуникем выглядит следующим образом:

1) утверждения/ отрицания (*А как же!*, *А ты как думал?* / *А морда не треснет?*, *Еще чего?* и др.);

2) эмоционально-оценочные (*Абзац!*, *Писец!*, *Ну ты молодец!*, *Ух!* и др.);

3) волеизъявительные (*Валяй!*, *Давай!*, *Вперед!*, *Ни-ни!* и др.);

4) контактоустанавливающие (*Алле!*, *Разговорчики!*, *Внимание!* и др.);

5) вопросительные (*Ась?*, *Чу?*, *А?*, *Кого?* и др.);

6) этикетные (*В добрый час!*, *Счастливого пути!*, *!*, *Здравствуйте!* и др.);

7) текстообразующие (*Знаете!*, *Ну скажу!*, *Подумайте!* и др.) [Меликян 2001].

Коммуникемы – явление живой разговорной речи, созданные как более экономные, краткие и эмоциональные формы выражения отношения говорящего к объективному миру вокруг него. Основным назначением коммуникемы, по мнению В. Ю. Меликяна, является выражение большего содержания меньшими средствами [Меликян 2004].

Использование коммуникем связано с динамикой развития системы языка, а также с действием принципа экономии речевых усилий. Они обладают большей информативностью и экспрессивностью, чем обычные предложения, именно поэтому студенты используют коммуникемы, чтобы сделать свою речь краткой, эмоционально окрашенной и семантически ёмкой.

Нами была выдвинута гипотеза о том, что коммуникемы в разговорной речи студентов – одно из основных средств выражения экспрессии, проявляющееся по-разному в различных коммуникативных ситуациях. Чтобы проверить данное предположение, можно обратиться к методу психолингвистического

эксперимента, как предлагает Т. В. Гоголина [Гоголина 2010, 2015]: с этой целью предложить студентам посмотреть на ряды коммуникем, озаглавить каждый ряд, дополнить ряд своим примером и смоделировать одну–две ситуации, в которых уместно использовать данную коммуникему.

В эксперименте приняло участие 28 человек, среди них:

Девушки:	Юноши:
17 – 1	19 – 2
19 – 2	20 – 2
20 – 10	21 – 3
21 – 2	23 – 1
22 – 3	
23 – 2 – всего 20	Всего - 8

Двумя главными направлениями в нашем исследовании стали динамика языка и сбор актуального языкового материала. Полученные семантические группы коммуникем из разговорной речи студентов сравнивались с классификацией, предложенной В. Ю. Меликьяном.

Рассмотрим процентное соотношение ответов, которые помогают сделать вывод о том, что респонденты в большинстве случаев без труда смогли считать значение предложенных нами рядов коммуникем, сформулировать значение каждого ряда и привести актуальную для них ситуацию (реальную или вымышленную), в которой данная коммуникема может быть употреблена. Любое слово существует в нашем сознании не изолированно, поэтому коммуникемы связаны с другими словами, а возможно, закреплены в сознании за определенными ситуациями. Мы дали студентам следующие семантические группы коммуникем: эмоционально-оценочные, сомнительности, утверждения / отрицания и волеизъявительные, потому что решили узнать, какие ситуации закреплены в сознании студентов именно за этими группами коммуникем. Респонденты считали и значение, и эмоцию, сопутствующую этому значению. Так, в первом ряду слов большинство считало эмоцию удивления (71%) и восхищения (11%), т. к. были представлены коммуникемы эмоционально-оценочного характера с различной семантикой, ярко выражающие данную эмоцию, поэтому трудностей не возникло. Коммуникемы с семантикой сомнения были считаны 57% ре-

спондентов. Сомнение – частное проявление неуверенности, что определено 21% респондентов. Следующим рядом были коммуникемы со значением согласия (77%) и отрицания (74%). В этих рядах семантика коммуникемы отразилась в первую очередь, эмоция дополнила ее, поэтому такие реакции, как радость (7%) и возмущение (7%) отмечены многими респондентами. Ряд, выраженный этикетными коммуникемами, считан 58% респондентов. Можно предположить, что так влияет воспитание, потому что их восприняли как «волшебные слова». Коммуникемы волеизъявления определило 28% респондентов. Респонденты должны считать значение побуждения к действию, но волеизъявительные коммуникемы используются реже, чем остальные, в сознании респондентов они связаны с негативными эмоциями.

В основном мы видели коммуникемы, выраженные частицами и междометиями.

Появляются коммуникемы «Ничоси», «Да ну нафиг», «Я в шоке!», «Погнали!», «Естессна», «Мб». Эти реакции возникли под влиянием интернет-коммуникаций. Мы заметили специфику в использовании коммуникем студентами:

1) ироничные коммуникативные ситуации:

- *Здравствуйте, мы свидетели Иеговы, не хотите поговорить о...*

- *Уходи!*

2) активное использование сленга в разговорной речи. Например, «офигеть», «обалдеть»

- *Ты видела цены на платье?*

- *Вообще офигеть!*

3) имитация разговорной речи при записи коммуникем. Эксперимент проводился письменно, респонденты писали слова так, как их говорят, т. е. сказалось влияние соц. сетей. Известно, что такое общение – разновидность разговорной речи, поэтому можно проследить принцип экономии речевых усилий – «Щас же!», «Сто проц!». Мы видим те же модели образования коммуникем, что у В. Ю. Меликяна: суффикс *-ушк-* в коммуникеме «хренушки» (*пр. фигушки, ладушки*), соединение двух слов в одно – «ничоси» (= *ничего себе*). Переделывают старые фразы / слова – *Чтоб ты подавился!* (= *чтоб ты сдох*), «Моему удивле-

нию нет предела!» (субъективность фразы, удивлению нет предела), «Мои благодарности» (=мое почтение) и т. д.

- Сделай за меня домашку!

- Хренушки!

4) использование мемов. Многие молодые люди следуют за актуальными в соц. сетях мемами, поэтому в их речи можно часто услышать фразы, понятные только им. При этом они должны быть произнесены с особой интонацией, иначе говорящий не достигнет нужного эффекта. Здесь мы можем рассмотреть такие реакции, как «ничоси», «погнали!», «да ну нафиг», «естесна», «а, понятно», «Но это не точно» и пр. Не менее интересны ситуации, которые приводили студенты:

- Слушай, надо в биткоины вкладываться, криптовалюта растет!

- А, понятно...

5) интонация, создающая многозначность коммуникем в речи. Благодаря интонации и жестам/ мимике говорящего, слушающий может понять, что именно имелось в виду под словом «Здрасьте!», «Сейчас», «Потрясающе», «Как так?» и пр. Сравните:

-Привет!

-Купишь мне вон ту преза-

-И тебе здрасте!

бавнейшую штучку?

-Здрасте!

6) использование иноязычных слов. «Эшкере»(=Давайте!) от англ. *Let's go*, «Ежжи» (=действительно) пошло с Кавказа. Вполне вероятно, что семантика данного слова отличается от той, что вкладывают в нее коренные народы.

- Эшкере!

- Аня! Перестань!

Таким образом, коммуникемы передают информацию максимально кратко и экспрессивно, что делает их наиболее востребованным средством передачи информации и эмоции одновременно в разговорной речи студентов.

Литература

1. Гоголина Т. В. Коммуникемы в речевой деятельности. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010. – 34 с.

2. Гоголина Т. В. Психолингвистического эксперимент как метод изучения грамматической семантики: учебное пособие / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – 116 с.

3. Меликян В. Ю. Материалы к анализу нечлененых предложений // Рус. яз. в шк. – 2001. – № 2. – С. 99-105, 110.
4. Меликян В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечлененого предложения: учебное пособие. – Ростов н/Д.: РГПУ, 2004. – 288 с.
5. Меликян В. Ю. Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 240 с.

Шеремета К. С. (Екатеринбург, УрГПУ)

Поэтика киносценария В. Сигарева «Волчок»

Аннотация. Статья посвящена анализу мотивов и образов киносценария «Волчок», автором которого является русский драматург и режиссер, представитель «новой драмы» Василий Сигарев. В статье предпринята попытка интерпретации мотивов, являющихся ключевыми для понимания основного конфликта произведения.

Ключевые слова: драматургия, пьесы, киносценарии, литературные мотивы, поэтика.

Sheremeta K. S. (Yekaterinburg, USPU)

*The Poetics of the screenplay «Volchok»,
written by Vasily Sigarev*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the motives and images of the screenplay «Volchok», the author of which is a Russian playwright and director, representative of the «New Drama» Vasily Sigarev. The article attempts to decode the motives that are the key to understanding the main conflict of the screenplay.

Keywords: drama, plays, screenplays, literary motifs, poetics.

В. Сигарев – один из самых ярких представителей «новой драмы», который первоначально был представлен в культурном пространстве как интересный и самобытный драматург (пьесы «Пластилин», «Черное молоко», «Божьи коровки возвращаются на землю» и т. д.), а впоследствии – как яркий режиссер с нетривиальной авторской манерой.

В современной новой драме фактически стирается грань между пьесой и киносценарием: авторы нередко смешивают эти формы (см. киносценарии Я. Пулинович: «За линией», «Я не вернусь», «Сломанные. Киносценарий» М. Курочкина). Василий Сигарев утверждает, что для него нет принципиальной разницы

между киносценарием и драмой – и то и другое литература: «Все делается по одним законам. Для кого-то написание пьес и сценариев фильмов может и отличается, но для меня нет. Когда я пишу, я вижу не сцену, я вижу жизнь».

В 2000-х в творчестве многих драматургов, в том числе и в творчестве В. Сигарева, обнаруживается тенденция перехода из драматургии в кинодраматургию. Вот как этот процесс объясняет сам драматург: «Есть пубертатный период в творчестве, когда ты много всего делаешь... Это кажется, что все легко так, а на деле одна пьеса из десяти получается. Хочется же, чтобы сразу получалось. Учишься сохранять энергию и грамотно ее расходовать. Как только у меня появилась возможность в кино ее направлять, я это стал делать, потому что кино мне всегда было интереснее театра».

В пограничном статусе пьесы-киносценария находится работа В. Сигарева «Волчок», послужившая материалом для нашего анализа.

Структурные особенности, специфика соотношения текста и паратекста, характер ремарок действительно выделяют «Волчка» из числа драматических произведений Сигарева.

Характерная черта ремарок киносценария вообще и данного текста конкретно – схематичность, что отличает их от ремарок в пьесе. Драматургический паратекст – при всем многообразии функций – редко задает темпоритм смены кадров / картин. В тексте же Сигарева ремарки, намечая жесткую последовательность действий героев и происходящих событий, создают ощущение монтажности общей структуры. Частота чередования текст / паратекст сообщает ритм эпизоду или картине.

Голос, от лица которого ведется все повествование, звучит как закадровый текст, что тоже не характерно для пьесы.

И, наконец, все тринадцать эпизодов спаяны между собой как быстро сменяющиеся кадры, что, в целом, образует общую картину киносценария.

Обратимся к основным мотивам произведения.

«Волчок» – социально-бытовая драма, несущая и другую, бытийную семантику.

На первый взгляд сюжет прост: он посвящен вечному вопросу отношений родителей и детей. Но эти отношения в сценарии

Сигарева приобретают характер нечленораздельного, иногда «немного» диалога в пространстве насилия: эмоционального, вербального, физического.

Текст дается от лица Голоса, девочки, затем девушки, из пространства другой реальности, сторонней или высшей. Голос этот рассказывает о своей жизни и о глубокой безответной любви к матери.

Отношения Мать – Дочь нельзя проследить полноценно, так как мы видим конфликт только с точки зрения Девочки. Эти отношения, как и образы главных героинь, выстроены на контрасте. Начиная с того, что обозначены они не как **Мать** и **Дочь**, а как **Мать** и **Девочка**, заканчивая описанием героинь: Мать – «ярко покрашена...красивая, веселая, вкусно пахла вагоном-рестораном». Девочка – похожа на мальчика, дикий «волчонок», брошенный в диком одиночестве, с рождения – «сверток, который иногда попискивает».

Мать. Красивая я, да, у тебя?

Девочка. Да.

Мать. (усмехается). Я сама знаю. А ты? А ты красивая?

Девочка. Нет...наверно...

Мать. А че некрасивая?

Девочка. Не знаю..

Голос. *Мать не знала, кто сделал ей такой подарочек. А вычислить было очень сложно – в ее жизни было много случайностей... Очень много случайностей.*

Девочка оказывается одной из таких случайностей. Спустя пять лет, при встрече, Девочка бежит и утыкается в живот Матери, полюбившейся ей с самого рождения, на что Мать прижимает Девочку «на мгновение», переводя разговор в бытовое русло.

В тексте этого киносценария привычные роли матери и дочери предстают перед нами в другом свете. Это Девочка всеми силами заступает за Мать и пытается оградить ее от неприятностей.

Девочка. Дядечка, не надо бить ее, пожалуйста...

Мать. Ты че, а?! Тронь только, а! Ты че, а?!

Дядя Коля. Деньги где?! (Бьет ладонью по стене.)

**Девочка поднимает банку и кидает в дядю Колю.
Попадает в голову.
Дядя Коля садится, держится за висок.
По его голой спине течет молоко с прожилками крови.**

Это Девочка, после очередного исчезновения Матери, ждет ее каждый вечер, сидя на подоконнике, включая и выключая настольную лампу, чтобы мать видела, что та не спит.

Лейтмотивами «Волчка» становятся насилие и страдание. Их источником является Мать. Момент рождения Девочки (имя ее не дано, как и имена других основных действующих лиц: Мать, Бабка и др.) происходит в ситуации драки матери и санитарки, за что, в конечном счете, Мать заключают в тюрьму.

Девочка является не только свидетелем насилия, но и подвергается ему, а иногда становится инициатором.

Примером насилия, свидетелем которого становится Девочка, являются отношения Матери с мужчинами, которые сменялись «за кухонным столом очень быстро, как кадры диафильма».

Голос. Правда, после дяди Коли был дядя Слава...

Дядя Слава наматывает на руку полотенце.

Девочка. Зачем вы вот это полотенце делаете?

Дядя Слава. Чтобы твоей маме не больно было...

Голос. После дяди Славы был дядя Игорь...

Дядя Игорь голый бежит по улице, прикрывая рукой достоинство.

Голос. После был толстый дядя Толя...

Очень бледного дядю Толю выносят на носилках четверо санитаров.

Подвергается насилию девочка со стороны Матери, которая или не знает, что такое любить, или отвергает это чувство в себе всеми силами.

Вдруг мать поворачивается и бьет девочке ладонью по лицу.

Та падает на спину. Из носа идет кровь.

Девочка смотрит в небо.

Но большим насилием оказывается не физическое, а эмоциональное и вербальное. Насилие над чувствами девочки, которая не понимает, почему оказалась для своей матери покрытым шерстью волчонком, найденным на кладбище.

Инициатором насилия Девочка оказывается в силу своей слабости и бессилия перед нелюбовью Матери. Именно поэтому она убивает подаренного мамой ёжика, забрасывает камнями поезд, машину, женщину, разоряет могилу своего «друга» с кладбища.

Кладбище является мотивом, характеризующим особое состояние героини. Кладбище – место-граница между земным, реальным миром и миром загробным, незримым. Только здесь Девочка обретает мнимое, ей одной видимое счастье, которого она лишена в материальном мире. Делая шаг назад, она возвращается к деспотичной и безразличной матери, шаг вперед – переходит границу, как бы предрекая собственный конец.

Голос. Постепенно страх проходил, и кладбище казалось своим. Я чувствовала его дыхание. Я дышала вместе с ним. Там я была дома.

Далее знаменательным, на наш взгляд, становится включенный в самое начало текста образ Гвоздики, который в христианской мифологии является символом страдания и боли. Гвоздики, предназначенные выходящей из роддома матери с младенцем, были брошены на землю, будто принесенные на могилу. Так, с рождения Девочка была уже будто похоронена. В этой сцене значима, кроме того, и семантика красного цвета – вернее, контраста красного (гвоздики) и белого (снег). Этот контраст встречается и в других сценах.

Так, ожидая встречи с Матерью, Девочка наблюдает, как «из-за многоэтажек поднимается красное солнце»; разбивая банку с молоком о голову дяди Колю, Девочка смешивает кровь мужчины с молоком. В этом эпизоде видится сила, жизнь («кровь с молоком»), надежда на ответную любовь Матери. В финальной же сцене кровь Девочки «смешивается с дождевой водой», что может говорить об утрате жизненных сил, растворении в небытии.

На протяжении всего киносценария Мать и Девочка были противопоставлены друг другу как телесное и бестелесное. Девочка уходит, словно ангел, чистый и светлый. Кровь, пролитая в страданиях, оказывается спасительной и животворящей.

На дороге лежит девочка. У нее из головы идет кровь. Она смешивается с дождевой водой и ее почти не видно.

Девочка уходит из жизни, освобождаясь.

Мать какое-то время сидит над ней. Затем встает и идет по дороге.

Машины объезжают ее, сигналият.

Постепенно ее лицо искажается плачем. Потом плач переходит в рыдания.

Наконец она кричит...

Что это? Раскаяние? Боль? Или осознание, что ее все оставили? Мать, которая не принимала любви Девочки, впитала ее последний вздох, по-настоящему ее услышала. Только вместо любви Мать вобрала боль и страдание своей дочери, переняла ее чувства.

Основной мотив, который выведен в заглавие, также является ключевым для понимания основного конфликта произведения. Волчок – не только игрушка, подаренная Матерью, это образ жизни Девочки, она обречена на этот статус «найденныша».

Голос. *Я не знаю, зачем мать рассказала мне эту историю про мешок на кладбище. Я даже не знаю, рассказывала ли она мне ее на самом деле или мне это всего лишь приснилось. Только на следующий день я проснулась с полной уверенностью, что все было именно так. И я пошла на кладбище. Мне хотелось там что-то найти. Не знаю, что именно. Может быть, себя...*

Найти причину, место, с которого началась страшная нелюбовь Матери? Или найти такое же беззащитное существо в мешке, чтобы полюбить его всем сердцем, вопреки Матери? Матери, которая до самой смерти закрепила за Девочкой образ волчка, чуждого ей, нечеловеческого существа. И только в момент трагедии, Девочка, отдавая игрушку, словно из волчка оборачивается в Дочь, в ребенка, все такого же беспомощного, но уже обреченного на смерть.

Литература

1. *Сигарев В.* Волчок [Электронный ресурс]. – URL: <http://vsigarev.ru/doc/volchok.html>.

Яковлева Н. А. (Челябинск, ЧПОУ «Академический колледж»)

*Особенности ритмической организации романа
Саши Соколова «Школа для дураков»*

Аннотация. Статья посвящена исследованию категории ритма в романе Саши Соколова «Школа для дураков» на разных уровнях организации художественного произведения: фонетическом, лексическом, синтаксическом, композиционном, мотивно-образном. Взаимодействуя, ритмические элементы разных уровней текста создают неповторимое своеобразие прозы Саши Соколова.

Ключевые слова: ритмы, категории ритма, ритмические особенности, композиционные особенности, русская литература, русские писатели, литературное творчество, романы.

Yakovleva N. A. (Chelyabinsk, PSC «Academic College»)

*Features of the rhythmic organization
of the Sasha Sokolov's novel «The School for Fools»*

Abstract. The article is devoted to the research of the rhythm category in Sasha Sokolov's novel «School for Fools» at different levels of the organization of his work: phonetic, lexical, syntactic, composition, motivational. Interacting, rhythmic elements of different levels of the text create a unique originality of Sasha Sokolov's prose.

Keywords: rhythms, rhythm categories, rhythmic features, compositional features, Russian literature, Russian writers, literary works, novels.

Категория ритма является фундаментальным явлением не только с точки зрения жизненных процессов, но и со стороны эстетического восприятия симметрии или, по словам античного философа Платона, «порядка в движении». Организованное и упорядоченное повторение отдельных элементов направлено на достижение природного баланса, душевной гармонии и красоты. За последнее, в большей степени, отвечает искусство, где ритм

играет одну из ключевых ролей, позволяя отождествлять произведение с исторической эпохой и передавать его настроение.

В литературе категория ритма является одним из главных стилеобразующих компонентов. Для поэтики литературы XX века ритм стал целой площадкой для экспериментов, начиная с преломления классического ритма поэтами Серебряного века до попыток постмодернистов стереть грань между прозой и поэзией. Одним из первых авторов, для которого ритм – не просто одна из многих составляющих литературного произведения, а ключевой элемент, связывающий все уровни художественного текста, стал русский писатель постмодернист – Саша Соколов.

Уникальный авторский стиль сформировался еще в ранних очерках писателя для провинциальной газеты. Как отмечает сам Соколов: «Это были рассказы-очерки, написанные ритмической прозой: если хотите, близкие к стилю Андрея Белого, хотя тогда я не читал ничего ни о нем, ни его самого. Впервые я прочитал Белого здесь, за границей, и удивился: похоже» [Сайт «Горький» 2017]. Но открыто продемонстрировать своё видение ритмизованной прозы массовому читателю, автору удалось после выхода «Школы для дураков» в 1976 году.

Повествование дебютного романа строится вокруг жизни мальчика с раздвоением личности и представляет собой не классическое линейное движение сюжета, а намеренное изложение событий непоследовательно, так, что порой сложно понять, где заканчивается реальный мир и начинается игра воображения главного героя.

«И если наставник Павел скажет так, говорит тебе Леонардо, то известишь меня об этом в ту же ночь, и я докажу всем на свете, что во времени ничто находится в прошлом и будущем и ничего не имеет от настоящего, и в природе сближает с невозможным, отчего, по сказанному, не имеет существования, поскольку там, где было бы ничто, должна была бы налицо быть пустота, но тем не менее, продолжает художник, при помощи мельниц произведу я ветер в любое время» [Соколов 2011: 17].

Герой неоднократно признается, что у него «что-то не так со временем». Действительно, мыслимое им зачастую совсем не укладывается в обыденное понимание времени, нарушается привычный хронотоп: воспоминания (или выдумки) героя то

носят монотонно-медитативный характер, под стать потоку сознания, то динамично сменяются, цепляясь друг за друга.

«Но это было (есть, будет) глупо с ее стороны, потому что я был совершенно уверен (уверен, буду уверен), что умру очень скоро, если уже не умер. Но кукушка не знала об этом, и, надо полагать, моя жизнь интересовала ее в гораздо меньшей степени, чем ее жизнь – меня. Итак, я бросил весла и, считая якобы свои годы, задал себе несколько вопросов: как называется эта влекущая меня к дельте река, кто есть я, влекомый, сколько мне лет, как мое имя, какой день нынче и какого, в сущности, года, а также: лодка, вот лодка, обычная лодка – но чья?» [Соколов 2011: 19].

Подобная смена настроений и скорости повествования акцентирует ритмико-композиционные особенности романа, который можно проследить на микро- и макроуровнях. Последний включает в себя прямое повторение образов и композиционных элементов в главах, а также менее очевидную повторяемость эмоциональной динамики.

По утверждению самого Соколова, в его произведениях нет времени, есть только пространство, поэтому уместнее сказать, что каждая глава «Школы для дураков» обращает внимание читателя не на временной этап, а на определенный период, который оказывается важным для героя.

Так, глава первая «Нимфея» содержит воспоминания мальчика об эпизодах прошлого и впечатления о других жителях станции: соседе Михееве, директоре школы Перилло, учителе Павле Норвегове.

Глава вторая «Теперь. Рассказы, написанные на веранде» обращает к моментам настоящего. Рассказы вырваны из общего сюжета: они представляют собой, возможно, ту реальность, которую не видит главный герой из-за болезни, или же, наоборот, ту, которая существует только в его воображении.

В этой главе стиль рассказчика заметно меняется – повествование становится линейным и логичным. Ровный синтаксический ритм создается за счет параллелизма и одинаковых по длине предложений, достаточно коротких, не перегруженных. Отсутствует прием потока сознания. Блоки внутри главы связаны движением сюжета, и композиция приобретает определен-

ную четкость за счет появления названий у каждого блока: «Последний день», «Три лета подряд», «Как всегда в воскресенье».

«Он думал так сейчас, когда шел к ней. Она не любила его. Она была слишком хороша, чтобы любить его. Он знал это, но ему недавно исполнилось восемнадцать, и он не мог не думать о ней каждую минуту. Он замечал, что думает о ней постоянно, и радовался, что ничего не хочет от нее, и значит действительно любит» [Соколов 2011: 48].

Третья и четвертая главы возвращают в прежний ритм повествования. Глава «Савл» является продолжением главы «Нимфея», как в стилевом плане, так и в сюжетном плане. Герой также путается во времени, за счет чего повествование возвращается к частым ритмическим сбоям.

Последняя глава «Завещание» содержит некий завет на будущее, наставление каждому:

«... если вы желаете знать правду, то вон она: у вас з д е с ь нет ничего – ни семьи, ни работы, ни времени, ни пространства, ни вас самих, вы все это придумали. Ныне кричу всею кровью, своей, как кричат о грядущем отмщении: на свете нет ничего, на свете нет ничего, на свете нет ничего, кроме Ветра! А Насылающий? – спросили мы. И кроме Насылающего, – отвечал учитель» [Соколов 2011: 138].

Роман, несмотря на кажущуюся разрозненность событий, представляет собой одну сюжетную историю. Композиция в этой истории отражает движение времени и пространства: четкие воспоминания прошлого в своем размеренном ритме сменяются динамичным потоком сознания ирреальных событий настоящего или вымышленного будущего.

При этом каждая глава графически и тематически поделена на блоки, каждый из которых содержит свой ключевой образ, настроение и, соответственно, уникальные ритмические особенности, которые возможно отметить на разных уровнях текста.

Ведущим приемом здесь становится поток сознания, при котором действие переносится в субъективное пространство души, нарушая при этом привычный ритм чтения, разрушая традиционную повествовательную структуру текста. Подобная техника усложняет синтаксис, так как в романе синтаксические единицы призваны лишь фиксировать речевой поток, а не расчленять его

на логические фрагменты. Поэтому все реплики, монологи, диалоги, описание, помещены внутрь текстового массива, что нагромождает предложение и замедляет его скорость прочтения.

Размеренность ритмическому движению текста придают орнаментальные конструкции: ряды однородных членов предложения, являющихся с точки зрения лексики синонимами и полиномами в тексте. Например: «...девочка станет взрослой и начнет жить взрослой жизнью: выйдет замуж, будет читать серьезные книги, спешить и опаздывать на работу, покупать мебель, часами говорить по телефону, стирать чулки, готовить есть себе и другим, ходить в гости и пьянеть от вина, завидовать соседям и птицам, следить за метеосводками...» [Соколов 2011: 42].

Для создания ритмически динамичной образной картины активно используется развернутая метафора: часто прием нанизывания метафорических перифраз соединяется с приемом параллелизма, создавая медитативный ритм за счет внутренней периодичности предложения. Например: «Радость моя, если умру от невзгод, сумасшествия и печали, если до срока, определенного мне судьбой, не нагляжусь на тебя, если не нарадуюсь ветхим мельницам, живущим на изумрудных полынных холмах, если не напьюсь прозрачной воды из вечных рук твоих, если не успею пройти до конца, если не расскажу всего, что хотел рассказать о тебе, о себе, если однажды умру не простясь – прости» [Соколов 2011: 129].

При этом, несмотря на разные тематические планы и настроения, сюжетные блоки романа не звучат разрозненно, так как эффект непрерывности усиливает сюжетно-композиционная деталь: фрагмент заканчивается либо риторическим вопросом, ответ или пояснение к которому мы получаем в следующем блоке, либо повествование связывает образ, появившейся на последних и первых фрагментах блока.

«... и чтобы они, оборвав речь свою на полуслове, глотали бы языки и обращались на потеху идиотам-ученикам в меловые столбы и столбики (в зависимости от роста), то не придумаешь ничего восхитительнее вопля: бациллы! Как вы считаете, наставник Савл?

Дорогой ученик и товарищ такой-то... » [Соколов 2011: 90].

Подобная композиционная особенность романа составляет определенную структурную целостность в рамках одной главы, циклично замыкая в ней многие сюжетные линии, сохраняя общую ритмическую канву и ускоряя или замедляя повествование при необходимости внутри конкретного блока.

Можно отметить ритмико-эмоциональные сбои, которые напрямую связаны с ключевыми образами романа: это образы ветки и ветра, которые созвучны с именем возлюбленной Ветой, образ розы ветров, которая становится Розой Ветровой, обычный мел, который в сознании мальчика окружает весь пристанционный город и становится главным элементом «мелового периода», периода неизбежной гибели. Крайне важны в романе мотив свободы, метафорой которой являются образы ветра, полета, воздуха. Ветка акации является главным образом-тропом, который формирует мотив любви. Река, имеющая символическое название Лета, отделяет своими берегами мир живых от мира мертвых, являясь ключевым образом мотива смерти. Образ дороги и именно кольцевой железной дороги архитипичен и в романе символизирует пространственную и душевную замкнутость мира «Школы для дураков».

Как только внимание героя фиксируется на одном из этих образов – сознание ребенка словно переключается, и рассказ продолжается уже в ускоренном темпе речевого потока, с постоянными повторами и словесной игрой, зачастую без графического словораздела, без пунктуационных знаков, лишая тем самым повествование пауз:

«...как твое имя меня называют Веткой я Ветка акации я Ветка железной дороги я Вета беременная от ласковой птицы по имени Найтингейл я беременна будущим летом и крушением товарняка вот берите меня берите я все равно отцветаю это совсем недорого я на станции стою не больше рубля я продаюсь по билетам а хотите езжайте так бесплатно ревизора не будет он болен погодите я сама расстегну... » [Соколов 2011: 8].

Таким образом, композиция романа представляет собой не разрозненную структуру, как может показаться на первый взгляд, а цельную картину, отражающую сбивчивый ритм художественного текста. Вслед за ним усложняется и структура произведения: рассказы внутри романа, блоки внутри глав, во-

ображаемые сюжетные линии внутри правдивой истории. К тому же чередование композиционных элементов неравномерно: предсказать окончание главы, ускорение сюжета или смену синтаксиса становится возможным только благодаря появлению в повествовании ключевого образа. В остальном текст для читателя – загадка, которая интригует как идейной составляющей, так и ее реализацией.

Уникальность ритмической организации романа Саши Соколова строится на умении гармонично сочетать разные ритмические настроения и разный темп повествования на всех уровнях текста.

Литература

1. *10 фактов о Саше Соколове*, которые вы не узнаете из фильма. – URL: <https://gorky.media/context/10-faktov-o-sashe-sokolove-kotorye-vy-ne-uznaete-iz-filma/>.

2. *Соколов С.* Школа для дураков. – СПб.: АЗБУКА, 2011. – 599 с.

3. *Эткинд Е. Г.* Ритм поэтического произведения как фактор содержания // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве: [сб. ст.]. – Л., 1974. – С. 104-121.

Сведения об авторах

Абрамова Наталья Евгеньевна – магистрант первого года обучения ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург)

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор **Коновалова Надежда Ильинична**

Бабкина Лея Юрьевна – магистрант первого года обучения ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург)

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор **Коновалова Надежда Ильинична**

Батманова Ксения Игоревна – магистрант второго года обучения ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург)

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент **Кудреватых Анастасия Николаевна**

Батуева Влада Валерьевна – магистрант второго года обучения ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)

Научный руководитель кандидат филологических наук, доцент **Канищева Елена Валерьевна**

Верстунина Ирина Викторовна – магистрант второго года обучения ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург)

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор **Гридина Татьяна Александровна**

Зырянова Наталья Сергеевна – магистрант второго года обучения ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург)

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор **Коновалова Надежда Ильинична**

Кабирова Алиса Андреевна – магистрант второго года обучения ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург)

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент **Петров Илья Вадимович**

Красноперова Евгения Сергеевна – магистрант первого года обучения ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург)

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор **Коновалова Надежда Ильинична**

Магонова Анна Викторовна – аспирант ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург)

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор **Гридина Татьяна Александровна**

Нурисламова Светлана Ильинична – магистрант второго года обучения ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург)

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент **Гоголина Татьяна Владимировна**

Потапенко Ксения Михайловна – магистрант первого года обучения ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург)

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент **Петров Илья Вадимович**

Пыхов Вадим Вячеславович – магистрант второго года обучения ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург)

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент **Иванова Евгения Николаевна**

Талашманов Сергей Сергеевич – магистрант первого года обучения ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург)

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор **Коновалова Надежда Ильинична**

Ушаков Артем Анатольевич – магистрант второго года обучения ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет»
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор **Пономарева Елена Владимировна**

Хныкина Екатерина Андреевна – студент 4 курса ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент **Гоголина Татьяна Владимировна**

Шеремета Карина Сергеевна – магистрант второго года обучения ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург)

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент **Багдасарян Ольга Юрьевна**

Яковлева Надежда Андреевна – начальник учебного отдела ЧПОУ «Академический колледж» (Челябинск)

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор **Смеян Татьяна Федоровна**

About the authors

Abramova Natalya Evgenievna — Undergraduate of the first year of study, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
Supervisor – Doctor of Philology, Professor **Konovalova Nadezhda Ilyinichna**

Babkina Leya Yuryevna – Undergraduate student of the first year of study, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
Supervisor – Doctor of Philology, Professor **Konovalova Nadezhda Ilyinichna**

Batmanova Ksenia Igorevna – second-year Undergraduate Student, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
Supervisor – Candidate of Philology, Associate Professor **Kudrevatykh Anastasia Nikolaevna**

Batueva Vlada Valerievna — second year Undergraduate Student at the South Ural State University (Chelyabinsk)
Supervisor – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor **Kanishcheva Elena Valeryevna**

Verstunina Irina Viktorovna – Undergraduate Student of the second year of study, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
Supervisor – Doctor of Philology, Professor **Gridina Tatyana Alexandrovna**

Zyryanova Natalya Sergeevna – 2nd year Undergraduate Student, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
Supervisor – Doctor of Philology, Professor **Konovalova Nadezhda Ilyinichna**

Kabirova Alisa Andreevna – Undergraduate Student of the second year of study, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
Supervisor – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor **Petrov Ilya Vadimovich**

Krasnoperova Evgenia Sergeevna – Undergraduate of the first year of study, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
Supervisor – Doctor of Philology, Professor **Konovalova Nadezhda Ilyinichna**

Magonova Anna Viktorovna – Postgraduate Student, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
Supervisor – Doctor of Philology, Professor **Gridina Tatyana Alexandrovna**

Nurislamova Svetlana Ilyinichna – second-year Undergraduate Student, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
Supervisor – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor **Gogolina Tatiana Vladimirovna**

Potapenko Ksenia Mikhailovna – Undergraduate of the first year of study, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
Supervisor – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor **Petrov Ilya Vadimovich**

Pykhov Vadim Vyacheslavovich – second-year Undergraduate Student, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
Supervisor – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor **Ivanova Evgenia Nikolaevna**

Talashmanov Sergey Sergeevich – Undergraduate of the first year of study, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
Supervisor – Doctor of Philology, Professor **Konovalova Nadezhda Ilyinichna**

Ushakov Artem Anatolyevich – Undergraduate Student of the second year of study, South Ural State University
Supervisor – Doctor of Philology, Professor **Ponomareva Elena Vladimirovna**

Khnykina Ekaterina Andreevna – 4th year Student, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Supervisor – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Gogolina Tatiana Vladimirovna

Sheremeta Karina Sergeevna – Undergraduate Student of the second year of study, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
Supervisor – Candidate of Philology, Associate Professor **Bagdasaryan Olga Yurievna**

Yakovleva Nadezhda Andreevna – Head of the Academic College
Academic College (Chelyabinsk)
Supervisor – Doctor of Philology, Professor **Smeyan Tatyana Fedorovna**

Научное издание

***АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФИЛОЛОГИИ***

Уральский государственный педагогический университет.
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
E-mail: uspu@uspu.me